

ШЛИССЕЛЬБУРГСКИЕ
П а л м ы

*Село Веро-
Русской
Крепости*

Н.М. КОНЯЕВ

Николай Михайлович Коняев

Шлиссельбургские псалмы.

Семь веков русской крепости

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5824137

Шлиссельбургские псалмы. Семь веков русской крепости:

Центрполиграф; М.; 2013

ISBN 978-5-227-04252-1

Аннотация

Автор представляет читателю полную драматизма историю крепости «Орешек» от основания ее внуком Александра Невского князем Юрием Даниловичем до наших дней. Это история крепости-твердыни, защитницы Отечества, и история страшной тюрьмы, сломавшей и уничтожившей многие жизни – от царственных узников до революционеров, история Шлиссельбургского образа Казанской иконы Божией Матери. Автор не просто рассказывает о различных периодах и этапах жизни крепости, он фактически показывает историю России через историю Шлиссельбургской крепости, используя в своем повествовании множество документов: уникальные архивные материалы, письма и дневниковые записи...

Содержание

Вступление	4
Часть первая	16
Глава первая	16
Глава вторая	35
Глава третья	60
Глава четвертая	89
Глава пятая	138
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Николай Михайлович Коняев Шлиссельбургские псалмы. Семь веков русской крепости

*Посвящаю эту книгу памяти моего отца,
Михаила Максимовича Коняева.*

Вступление

21 ноября 2010 года в крепости Орешек города Шлиссельбурга зазвучало церковное пение. Падали с серого неба снежинки, ледяным холодком тянуло с Ладоги, на развалинах храма Рождества Святого Иоанна Предтечи состоялась первая за последние девяносто лет литургия. Совершили ее недавно назначенный настоятелем храма Рождества Иоанна Предтечи игумен Евстафий (Жаков) и иеромонах Украинской Православной церкви Московского патриархата Гавриил (Коневиченко).

За спиною игумена Евстафия (Жакова) уже три поднятых из руин храма: храм Иоанна Предтечи в Старой Ладо-

ге, храм Петра и Павла в Знаменке, храм Святой равноапостольной княгини Ольги в Михайловке. Еще два храма возрождены им в Карелии.

Храм Рождества Иоанна Предтечи в Шлиссельбурге – уже шестой в этом списке.

Не так уж и много найдется в России мест, подобных этому, – продуваемому студенными ладожскими ветрами острову.

У основанной внуком Александра Невского князем Юрием Даниловичем крепости Орешек героическое прошлое, и понятно, почему шведы стремились овладеть ею.

За девяносто лет оккупации они перевели на свой язык название крепости – она стала Нотебургом – и укрепили цитадель, но 11 октября 1702 года русские войска «разгрызли» «шведский орех».

Говорят, что Петр I послал на остров офицера с приказом командиру штурмующего отряда подполковнику Семеновского полка М.М. Голицыну отступить. Голицын ответил посыльному: «Скажи царю, что теперь я уже не его, а Божий», – и велел оттолкнуть от острова лодки.

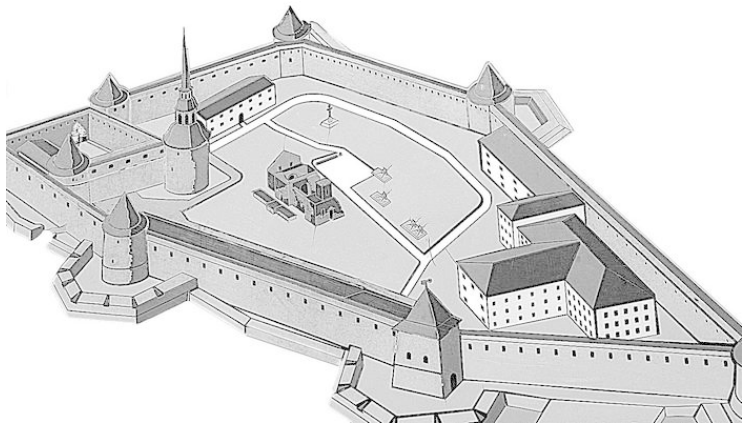

Схема расположения строений крепости Орешек

Штурм продолжался. Крепость была взята. Павших во время штурма героев похоронили внутри крепости.

На стене церкви Иоанна Предтечи была установлена доска в память о них, но потом эту доску увезли в Санкт-Петербург, в Музей города.

Ну а герой штурма, конечно, не мог знать тогда, что берет крепость, в которую через несколько лет засадят его брата, князя Дмитрия Михайловича Голицына.

Петр I переименовал вставшую в истоке Невы крепость в Шлиссельбург – «ключ-город», объявляя тем самым, что этим ключом он открывает для России выход к Балтийскому морю.

Однако новая, придуманная Петром I профессия крепости оказалась ненужной русской истории, потому что не прошло и полгода, как сломан был сам «шведский замок». В устье Невы тогда началось строительство Санкт-Петербурга, и хотя Шлиссельбург укреплялся все эти годы, никакого участия в боевых действиях он уже не принимал.

Прошло более полутора десятков лет, прежде чем Петр I решил употребить свой «ключ» в тюремных целях.

Первой узницей Шлиссельбурга он сделал свою сестру, царевну Марью Алексеевну, обвинив ее в заговоре, в котором она не участвовала. А следом за сестрой превратил в узника «города-ключа» и святого благоверного князя Александра Невского, вернее его святые мощи, которые посмели не поспеть в Петербург к празднованию первой годовщины Ништадтского мира. Решено было не ввозить их в Петербург до следующей годовщины и держать в Шлиссельбургской крепости.

Переход от воинской доблести к новой специальности нелегко дался старинной русской крепости, и в скрежете тюремного ключа различается нечто большее, чем обыкновенное лишение свободы. Ведь тогда, в 1723 году, в крепости случился пожар и святые мощи Александра Невского сильно пострадали в огне, но все равно по воле Петра I были торжественно встречены в Санкт-Петербурге.

Древний Орешек. Реконструкция

Торжественно встретили и другую узницу Шлиссельбурга – Евдокию Лопухину. Ее засадила в крепость императрица Екатерина I, но через год царица Евдокия вышла на свободу, и вышла уже... бабушкой императора Петра II.

А «город-ключ» продолжал скрежетать, смыкая несмыкаемое, и племянница Петра I, Анна Иоанновна, заточила в крепость членов Верховного тайного совета, которые избрали ее на царство: братьев Долгоруких и князя Дмитрия Михайловича Голицына.

Узником Шлиссельбурга стал потом и любовник Анны Иоанновны, курляндский герцог Эрнест Иоганн Бирон, сделавшийся после ее кончины регентом при четырехмесячном

императоре Иоанне VI Антоновиче.

Впрочем, Бирон сидел в Шлиссельбурге всего полгода, а вот Иоанну VI Антоновичу не повезло. Он просидел в крепости «безымянным колодником» девять лет, и был убит при попытке поручика Мировича освободить его.

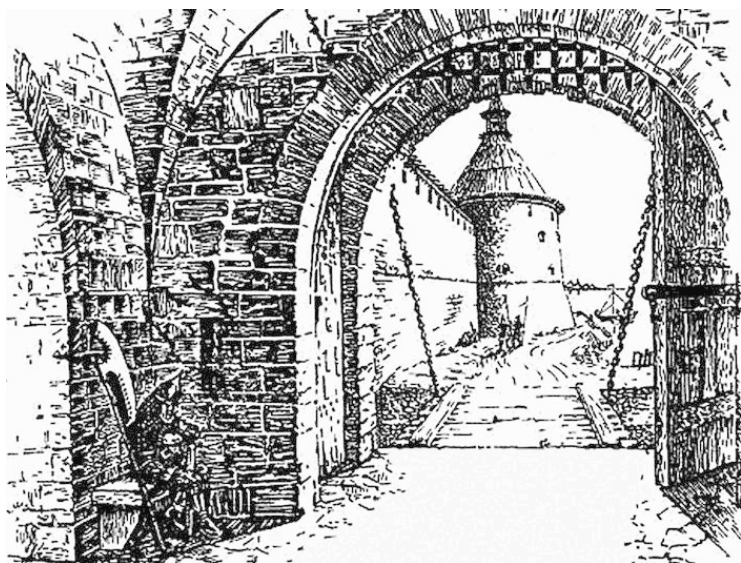
Кровь безвинного страдальца, кажется, впервые обагрила древние камни Шлиссельбурга.

Больше царственных особ в Шлиссельбургскую крепость не сажали.

Теперь узниками цитадели были: участник башкирского восстания Мулла Батырша Алев, убитый при попытке побега, и масон, прославленный издатель Николай Иванович Новиков; декабристы: Михаил, Николай и Александр Бестужевы, В.А. Дивов, Я.М. Андреевич, А.П. Юшневский, А.С. Пестов, И.И. Пущин, И.И. Горбачевский, М.М. Спиридов, А.П. Барятинский, В.К. Кюхельбекер, Ф.Ф. Вадковский, В.С. Норов, П.А. Муханов, А.В. и И.В. Поджио и поляк Валериан Лукасинский, проведенный в одиночном заключении почти 38 лет; основатель и вдохновитель «Общества святых Кирилла и Мефодия» Николай Иванович Гулак и известный революционер-народник Михаил Александрович Бакунин; участник заговора Каракозова Николай Андреевич Ишутин и член Центрального национального комитета Польского восстания 1863 года Бронислав Шварце; народовольцы Н.А. Морозов, М.Р. Попов, М.Ф. Фроленко, В.Н. Фигнер, М.Ю. Ашенбреннер, М.В. Новорусский, Т.А. Лопат-

тин и Л.А. Волкенштейн.

В Шлиссельбурге производились теперь и казни.

Вид крепости Орешек в XVI веке. Реконструкция

10 октября 1884 года у крепостной стены, обращенной к Ладожскому озеру, повесили членов военной организации «Народной воли» офицеров А.П. Штромберга и Н.М. Рогачева, а 8 мая 1887 года – обвиняемых по делу «Второго 1-го марта»¹

¹ Второе первое марта – в исторической литературе название попытки поку-

А.И. Ульянова, П.Я. Шевырева, В.С. Осипанова, В.Д. Генералова и П.И. Андреюшкина.

«Среди русского народа, – сказал тогда Александр Ульянов, – всегда найдется десяток людей, которые настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь».

И слились эти слова со скрипом ключей, открывающих двери злу и мраку, скопившемуся в шлиссельбургских подземельях, и откликнулся на них гимназист в далеком Симбирске, сказавший: «Мы пойдем другим путем».

шения народovolыцев 1 марта 1887 года на императора Александра III. Покушение народovolыцев 1 марта 1881 года на Александра II завершилось убийством государя.

Первая литургия в храме Рождества Иоанна Предтечи в Шлиссельбурге

Бесконечным и кровавым для России оказался этот путь, и вот нет уже давно ни Российской империи, ни СССР, а все еще не кончается эта мучительно долгая дорога.

«Владыка прещедрый! Слыши слова похваляющихся разорити святую веру православную! Стань в помощь мне! Ты бо еси Бог наш и на Тя уповаем!» – сказал в минуту смертельной опасности для всей Руси святой благоверный князь Александр, собираясь на Невскую битву, и кажется, что только эти слова и способны заглушить недобрый скре-

жет шлиссельбургских ключей.

И вот исполнилось время, и эти слова зазвучали наконец-то и на студеном ладожском сквозняке...

И повторил их внучатый племянник повешенного в Шлиссельбурге Александра Ульянова игумен Евстафий (Жаков)². 12 октября 2010 года указом Высокопреосвященнейшего Владимира, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, игумен Евстафий назначен настоятелем храма Рождества Святого Иоанна Предтечи в крепости Орешек города Шлиссельбурга.

И слушают эти вечные слова первыми вошедшие в разрушенный храм бронзовые бойцы стрелковой роты 1-й дивизии НКВД и 409-й морской батареи, которые, продолжая героическую летопись крепости Орешек, обороняли в годы войны и крепость, и эту церковь.

Почти 500 дней небольшой гарнизон держал здесь оборону, и все эти дни реял над колокольной Иоанновского храма советский флаг, и все эти дни совершалась Божия помощь, о которой в минуту смертельной опасности для Руси говорил святой благоверный князь Александр Невский.

И, стоя рядом с бронзовыми защитниками острова, слушаешь эти слова на развалинах открытого ледяному ладожскому ветерку собора Рождества Иоанна Предтечи, кажется, видишь, как начинают подниматься стены собора, как воз-

² Его бабушка Евдокия Александровна Ардашева была двоюродной сестрой братьев и сестер Ульяновых.

двигаются обрушенные купола, как вершится Чудо Господне...

Шлиссельбург.

21 ноября 2010 года

Часть первая **КРЕПОСТЬ. От убийства** **святого до убийства императора** **1323–1764 годы**

*А из Котлина озера (Финский залив) вытекла
река Нева и пала в Ладожское озеро против град
Орешка.*

Книга Большого Чертежа

Глава первая **ОСНОВАНИЕ ПЕРВОГО МИРА**

*И преклони небеса и сниде, и мрак под ногама Его.
И възиде на херувимы и лете, лете на крилу
ветреню.*

Псалом 17, ст. 10–11

Уже не простиралась тьма над бездною, свет отделился от тьмы, и отделилась вода, которая под твердью, от воды, которая над твердью, и явилась суша, и произвела вода пресмыкающихся, и птицы полетели над землею, по тверди небесной...

Так семь тысячелетий назад был сотворен Мир, а совсем недавно, как утверждают геологи, всего четыре тысячелетия назад, качнул Господь Ладожское озеро, и чистейшая вода его, превращаясь в Неву, потекла вначале по долине Мги, а потом – прорвав перешеек! – по долине Тосны, наполняя отступающее Варяжское море.

И в новом море хватило бы простора мореплавателям всех миров, но оно почти сразу стало местом бесконечных сражений и кровопролитных стычек между немногочисленными народами, населявшими здешние берега...

Тогда и поставили новгородцы, еще не различая названиями озеро Нево и вытекающую из него реку, на острове, который двумя рукавами обтекает в своем истоке Нева, крепость.

Случилось это в лето 6381 от Сотворения мира, а от Рождества Христова в 1323 году.

1

Месяц уже дымились костры на Ореховом острове и стучали топоры новгородских плотников.

И можно было укрыться за крепостными стенами от пронизывающего холода, которым тянуло с озера, но князь Юрий Данилович стоял на берегу и, не обращая внимания на ветер, треплющий рыжие волосы, вглядывался в бесконечную даль горячей на солнце воды.

Набегая на отмели, закипали белыми гребнями волны, шумели на россыпях галечника и валунов, мешаясь с обрывками всплывающих в памяти псалмов.

«В скорби призвал мя еси, и избавих тя; услышах тя в тайне бурне; искусих тя на воде пререкания.

Слышите люди мои и засвидетельствую вам»...

Больше месяца стоял князь со своей дружиной на острове и еще не видел полного штиля, но уже несколько раз наблюдал миражи, возникающие то тут, то там над озером; различал ладьи, надвигающиеся порою на лесистые берега, а иногда видел скалистые острова, парящие над водой в тусклом небе.

Станным было это озеро, проносящее в рыбьем серебре небес неведомые острова, шепчущее своими волнами в прибрежной траве обрывки псалмов, как шептал их перед своей кончиной князь Михаил Тверской...

«Рече и ста дух бурен, вознесошася волны Его; Восходят до небес и низходят до бездн: душа их в злых таяше»...

Свей, с которыми ратился князь прошлым летом, называли это озеро Альдога.

Против них и надобно было стоять Юрию Даниловичу нынешним летом, после того как, захватив обоз и казну, загнали его осенью в Псков сыновья покойного князя Михаила.

«Смятошася, подвигошася яко пияный, и вся мудрость их поглощена бысть»...

Непростым было положение, в котором оказался летом 1323 года внук Александра Невского князь Юрий Данилович. Долгой – череда событий, которая привела его на Ореховый остров.

Много лет боролся Юрий Данилович за великокняжеский престол...

В 1317 году, женившись на сестре хана Узбека, ставшей в крещении Агафьей, он получил-таки ярлык на великое княжение, но одолеть дядю, тверского князя Михаила Ярославовича, не сумел, и на следующий год – новгородцы ходили на Або и не могли пособить ему! – потерпел поражение.

Молодая жена Юрия попала тогда в плен и вскоре умерла в Твери.

Юрий Данилович поспешил обвинить в этом отравлении дядю.

Михаила Ярославовича вызвали в Орду и 22 ноября 1318 года казнили на берегу Терека. Тело его Юрий Данилович привез в Москву, и после долгих переговоров передал тверичам, потребовав с них немалый выкуп.

Однако, хотя главный соперник и был мертв, хотя его сын Дмитрий Михайлович, прозванный Грозные Очи, и признал в 1321 году законность власти московского князя, ни он, ни его брат Александр не простили убийства отца.

Тем более что скоро тверским князьям представился случай свести счета.

В 1322 году, когда по просьбе новгородцев ходил Юрий Данилович разорять «осиное гнездо» свеев – город Выборг, он, дабы не лежало серебро мертвым грузом, пустил через купцов-посредников в оборот ордынскую дань Тверского княжества.

Проценты набежали немалые, но очень дорого обошлись они Юрию Даниловичу, поскольку, сведав о его предпринятии, Дмитрий Грозные Очи немедленно отправился в Орду.

И вот, когда «Георгий, великий король Руссов, осадил замок Выборг в день святой Клары с великой силой», хан Узбек передал ярлык на великое княжение Владимирское Дмитрию.

Не повезло Юрию Даниловичу и под Выборгом.

Хотя и было у него 22 тысячи войска, но ни штурмом, ни осадой взять крепость не удалось. Ратники и дружинники Юрия Даниловича опустошили тогда окрестности Выборга, без счета перебили народа, множество свеев взяли в плен и отправили в Суздальскую землю, но на этом и завершилось дело.

Сам Юрий Данилович, вернувшись в Новгород, собрался ехать в Орду, но не сумел пробраться сквозь тверские волости.

Александр Михайлович Тверской перехватил Юрия на реке Урдоме и отнял казну. Самому Юрию Даниловичу

с трудом удалось спастись, бежав с остатками дружины в Псков.

Там он и встретил нынешнюю весну.

Слава Богу, что свей не забыли Выборгского разорения, и новгородцы, решив поставить в истоке Невы на заросшем лещиной Ореховом острове крепость, снова призвали Юрия Даниловича.

3

Уже окружили земляным валом деревянную крепость, а свеев все не было.

– Должны прийти... – уверил Юрия Даниловича тысяцкий Аврам Олферьевич. – Когда они свою Ландскрону поставили, чтобы выход в море перекрыть, мы и года терпеть не стали. Сразу ихню крепость разрыли, чтобы твердость та была ни во что, за их высокоумие...

Аврам Олферьевич отправлял гонца в Новгород. На столе лежали грамоты, запечатанные печатью тысяцкого. На обороте печати изображен был святой всадник с копьем, подпись к которому сообщала, что это святой Авраам, хотя на иконах так изображали только святого покровителя князя Юрия Даниловича – Георгия Победоносца.

И снова, сам не помнил *как*, оказался Юрий Данилович на ладожском берегу, и, глядя на вспыхивающие в бегущей воде искры костров, прислушивался, как мешаются с шур-

шанием темной воды в прибрежной осоке всплывающие в памяти псалмы:

«Объяша мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя, скорбь и болезнь обретох и имя Господне призвах. О, Господи, избави душу мою! Милостив Господь и праведен, и Бог наш милует.

Храняй младенцы Господь, смирихся и спасе мя»...

И не заметил Юрий Данилович, как возникли из этого шума ладожской воды на отмели голоса.

Это плотники у костра – у одного племянник недавно из Твери вернулся! – разговаривали о покойном князе Михаиле Тверском.

– После приставили к князю семь сторожей, возложили на выю тяжелую колоду, и так и держали до самой казни... – звучал в темноте голос. – А хан в то время двинулся на охоту к берегам Терека. Повлеки таксама и князя тверского. Еще смолоду имел он обычай каждую ночь петь псалмы Давида, и теперь, осужденный на смерть, утешал себя этим пением. Так он молился со слезами всякую ночь, а днем старался ободрить своих спутников. Ему предлагали бежать, но он отвечал, что и прежде никогда не бегал от врагов, не побежит и теперь. Не бросит в беде бояр своих и слуг. Почти месяц страдал князь, а однажды разогнул Псалтирь, и попал на слова: «Сердце мое смятется во мне, и боязнь смерти нападе на мя. Страх и трепет прииде на мя и покры мя тма. И рех: кто даст ми криле яко голубине, и полещу и почию». И вот, едва

дочитал псалом, как ворвались в шатер, будто дикие звери, палачи, всей толпой набросились на князя, топтали ногами, а один из них, который уже давно бежал от княжеского суда в Орду, выхватив нож, и вырезал сердце князя. Сказывают, что в ту же ночь многие из христиан и иноверных видели, как два облака осенили то место, где находилось честное тело убиенного князя. Облака то сходились, то расходились, и сияли, точно солнце. И в Маджарах³, где поместили тело князя в хлеву, жители видали, что над тем местом поднялся огненный столб до самого неба. Другие же видели раду-гу, которая склонялась над хлевом. Отсюда тело Михаила повезли в Москву; и в дороге тоже были чудесные видение – множество народа со свечами и кадилами окружало тело князя, светлые всадники носились в воздухе над колесницей. А через год, когда привезли князя в Тверь, открылось и самое главное чудо – тление совершенно не коснулось тела... Теперь тверичи молятся у гробницы своего князя и получают разрешение от недугов...

Рассказчик смолк.

– Что же? – раздался в темноте другой голос. – Столько князь Михайло с Новгородом ратился, а Бог прославил его?

– Выходит, что так! – Рассказчик подкинул в костер сучьев, и поднялось облако огненных искр, истаивающих в холодной черноте неба. – Выходит, что тепереча предстоит он

³ Сейчас на этом месте находится современный Буденновск (бывший город Святой Крест).

Несколько пепельных хлопьев отнесло в темноту, и они упали на руки князя Юрия.

Еще где-то посреди рассказа шевельнулось в нем желание встать и выйти на свет костра, прерывая разговор, но позабыл тогда князь о своем желании. Нахлынули воспоминания: сколько соболей, бобров и куниц подарил он ханским женам в Орде, сколько серебра раздал эмирам и темникам, приближая гибель Михаила.

И тот холодный день 22 ноября 1318 года, когда вместе с покойным Кавдыгаем смотрели они на берегу Терека на казнь Михаила, тоже припомнился ему.

И князь подавил в себе похожий на стон вздох.

Перекрестился, глядя на звезды, сверкающие в черноте августовского неба.

– Избавит миром душу мою от приближающихся мне, яко во мнозе бяху со мною... – пробормотал он.

И тут же услышал ответ.

– Возверзи на Господа печаль твою, – шевельнулся ветерок в темноте у воды. – И Той ты препитаешь: не даст в век молвы праведнику...

И так явственно прозвучали эти слова, что встал Юрий Данилович.

Что-то большое и высокое привиделось ему в августовской тьме.

– Это ты что ли, Михайло Ярославович, тут? – спросил он, шагнув к воде. – Чего тебе?

Но уже качнулось, унеслось большое и высокое в темень озера, названного свеями Альдога.

– Ты же, Боже, изведеши их в студенец истления, мужие кровей и льсти не преполовят дний своих, – зашумела на отмели озерная волна.

– Аз же, Господи, уповаю на Тя! – откликнулся этому шуму князь.

5

На следующий день пришли свей...

Они встали на берегу в виду крепости, поднявшейся на Ореховом острове, день простояли так, а потом прислали на остров послов.

*Памятный знак, установленный в память заключения
Ореховецкого мира*

«В лето 6831 (1323 от Р. Х.) ходиша Новгородци с князем Юрием Даниловичем в Неву и поставиша город на усть Невы на Ореховом острове, – записал тогда в Новгороде летописец. – Тут же приехавше послы великие от Свейского короля и dokonчаша мир вечный с князем и с Новым городом по старой пошлине».

Так 12 августа 1323 года был заключен Ореховецкий мир, подведший итог трем десятилетиям непрерывных сты-

чек. Впервые официально была установлена между Великим Новгородом и Шведским королевством государственная граница.

Западная часть Карельского перешейка и соседняя с ней область Саволак отошли шведам, восточная часть перешейка с Корелой и всем течением Невы и частью Финского залива, включающей половину острова Котлина, – Новгороду. Граница от Финского залива прошла по реке Сестре.

От новгородцев договор подписали князь новгородский Юрий Данилович, посадник Алфоромей и тысяцкий Аврам. От Швеции – Герик Дюуровиц, Геминки Орисловиц, Петр Юншин.

Это был первый мирный договор, и даже в 1478 году, когда Новгородская земля утратила независимость и подчинилась Москве, Ореховецкий договор продолжал действовать.

И подписали это международное соглашение на острове, который холодная вода Альдоги обтекала двумя широкими сильными течениями, чтобы слиться позади и превратиться в полноводную реку, наполняющую Балтийское море, ставшее почти на три столетия общим для всех...

6

Понимал ли сам Юрий Данилович, что, по сути, он продолжал дело, которое начал его дед, святой князь Александр Невский, разгромивший в 1240 году в Невской битве силы

тогдашнего НАТО и остановивший первый крестовый поход на Русь?

Ответить на этот вопрос непросто.

Когда читаешь житие святого князя Александра Невского, поражает то, что воинскую доблесть, талант полководца и мудрость правителя он совмещал с подлинным христианским смирением. Святой благоверный князь, по сути дела, преподал нам, своим соотечественникам, великий национальный урок того, как, подчиняя свое своеволие Божией воле, может обрести русский человек воистину сверхчеловеческие способности, помогающие ему совершить невозможное.

Александр Невский не мог знать того, что известно сейчас любому школьнику. Разумеется, он и не догадывался, что, разгромив нашествие Биргера, защитил не только новгородские пределы, но еще и будущую столицу империи, которую столетия спустя построят *возле Невской битвы* его потомки.

Разумеется, Александр Невский не знал, что, пробираясь в далекий Каракорум, он очерчивает своим путем южную границу этой империи...

Но Александр Невский был святым, и яснее, чем мы сейчас, вооруженные знанием исторических фактов, прозревал духовным зрением последствия своего отнюдь не случайного, а глубоко продуманного решения повенчать Русь со степью.

И мы видим сейчас, что выбор святого князя оказался без-

укоризненным и с геополитической точки зрения. Сохранив православие, Русь надежно прикрыла с помощью татар северо-западные земли, где уже при внуках и правнуках Святого Александра Невского началась кристаллизация Москвы – нового центра Русской земли, разросшегося в могущественнейшее государство, вобравшее и подчинившее себе и другие русские княжества, и своих завоевателей...

И это государство, которое через века прозревал святой князь, не могли сокрушить никакие враги...

7

Внук Александра Невского, князь Юрий Данилович, оказался мельче своего деда, и как полководец, и как государственный деятель, а уж о том подвиге христианского смирения, который каждодневно совершал его святой благоверный дед, Юрий Данилович, кажется, и вообще не задумывался.

Но странно...

Вопреки собственной бесталанности и мелочности, вопреки своей гордыне и мстительности, он шел по проложенному дедом пути, и даже, совершая преступления, обусловленные, кажется, только собственным злым своеволием, он продолжал начатые его святым дедом дела, вел страну по назначенному пути.

На следующий год Юрий Данилович пойдет со своей дру-

жиной в Заволочье, чтобы подчинить новгородской воле Великий Устюг, и уже оттуда, по Каме, обходя тверские заставы, спустится на Волгу и прибудет в Орду.

Узнав об этом, великий князь владимирский Дмитрий Грозные Очи сам поспешит к хану Узбеку.

8

Они встретятся 21 ноября 1325 года...

Столкнутся возле спящих на земле, похожих на заросшие лишайниками валуны, верблюдов.

Будет в тот день праздник на Руси – Введение во храм Пресвятой Богородицы, канун седьмой годовщины мученической смерти отца Дмитрия князя Михаила Тверского.

Юрий хотел сказать о том, что он думал августовскими ночами на Ореховом острове, но, встретившись с горящими ненавистью глазами Дмитрия, понял, что не сможет ничего сказать.

«Удивися разум Твой от мене, утвердися, не возмогу к нему.

Камо пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего камо бегу?

Аще възыду на небо, Ты тамо еси...

Аще сниду во ад, тамо еси»...

Княжеское ли дело объяснять, что и когда ты почувствовал?

Княжеское дело приказы отдавать, сражаться и посылать людей на смерть...

И жалко, совсем не по-княжески улыбнулся Юрий Данилович, но улыбка эта, показавшаяся князю Дмитрию Грозные Очи злой усмешкой, совсем помutilа его рассудок.

Выхватив застрявшую в ножнах саблю, Дмитрий Грозные Очи обрушил смертельный удар на брата, убившего его отца.

Говорят, что перед смертью человек вспоминает свою жизнь.

Может, и перед глазами князя Юрия встали в тот последний миг и убитые им русские князья, и построенная на Ореховом острове крепость.

Юрий Данилович ничего не совершил доброго, только возвел эту крепость, и он не знал, что странным образом эта крепость вбирает в себя то многое, что еще он мог бы – и злого, и доброго! – совершить, вбирает всю его несовершенство судьбу.

И, может быть, догадался бы в последний свой миг князь Юрий Данилович, и, может быть, уже различал он в блеске занесенного над ним клинка тусклый блеск изливаемой в Неву воды Альдоги, но уже не оставалось времени...

Юрий Данилович вобрал в себя сабельный удар брата и, прижимаясь к верблюду, похожему на заросший лишайниками валун на берегу Невы, мягко сполз наземь, словно укладывался спать.

Верблюд поднял голову, пытаясь понять, зачем беспокоят

его, зачем течет по волосатому боку теплая человечья кровь, но не понял ничего, ничего не почувствовал и снова закрыл свои огромные, размером со взрослый кулак, глаза...

9

За свою вспышку гнева 28-летний князь Дмитрий Грозные Очи заплатил жизнью. По приказу хана Узбека его казнили, и ярлык на великое княжение был отдан его брату – Александру Михайловичу Тверскому.

Однако недолго княжил и Александр Михайлович.

15 августа 1327 года тверской дьякон Дудко повел поить свою лошадь, и пьяный татарин попытался отнять ее у него. Завязалась драка.

Татары схватились за оружие, тверичи ударили в колокола – поднялся весь город.

Несчастливой для родни хана Узбека была Тверь.

Девять лет назад отравили там сестру хана, выданную замуж за Юрия Даниловича, теперь, во время восстания, убили двоюродного брата – Щелкана (Чол-хана).

Сведав об этом, Иван Данилович (Калита) немедленно отправился в Орду, чтобы донести о неслыханной дерзости тверичей.

Великий князь Александр Михайлович бежал в Псков, а пятидесятитысячное татарское войско во главе с Федорчуком пришло на Русь, и в лютый мороз побежали талые, чуть

розоватые от крови ручьи в замерзшую Волгу из сожженной Твери.

Ярлык на великое княжение получил тогда участвовавший в походе московский князь Иван Данилович.

Не схож характером с братом Юрием Даниловичем был он, но, как и брат, получив ярлык, не собирался терять его. И когда, переждав в Литве гнев хана Узбека, поехал в Орду князь Александр Михайлович, и был прощен, Иван Данилович сам отправился в Орду, и скоро, «по думе его», вызвали в Орду прощенного Александра.

28 октября он и его сын Феодор приняли мученическую – были «розняты по суставам» – смерть.

А Иван Данилович Калита приказал вывезти из Твери вековой колокол, и 25 ноября «заложил град Москву дубовый, который был срублен тою зимой и окончен Великим постом 1340».

И еще две недели Великого поста оставалось в 1340 году, как, приняв схиму, внезапно умер и сам Иван Данилович.

Летописцы и историки называют его собирателем Русской земли, но всегда добавляют и прозвище – Калита.

Прозвали так князя за кошелек (калиту), который всегда имел при себе, как для раздачи милостыни, так и совершения подкупов.

Иван Данилович первым стал называться великим князем всея Руси, и, действительно, его правление стало началом единодержавия на Руси. Умирая, он поручил старшему сыну

Семеону «княгиню свою с меньшими детьми».

Интересно, что в том году, как запомнило народное предание, появилась в пределах Российских Божия Матерь.

Пастух Иоанн Босой наяву увидел на вершине Почаевской горы Богородицу, окруженную пламенем. Когда, поднявшись на гору, осматривали место, обнаружили на камне, где стояла Богоматерь, выдавленный отпечаток стопы.

В этом же 1340 году Симеон Гордый получил в Орде ярлык на великое княжение, а в Успенском соборе в Москве открылись мощи новоявленного угодника Божия митрополита Петра.

Глава вторая

ОРЕШЕК СТАНОВИТСЯ КАМЕННЫМ

*Благо есть уповати на Господа, нежели уповати
на князи.*

Псалом 117, ст. 9

Четверть века миновала с тех дней, когда поставили новгородцы с князем Юрием Даниловичем крепость на Ореховом острове.

Как видно из археологических раскопок, площадь крепости тогда не покрывала всего острова и составляла всего 8500 квадратных метров. Вся она – планировка крепости представляла собою две взаимно перпендикулярные улицы шириною четыре метра – была застроена деревянными избами, в которых помещалось около четырех сотен человек.

Тяжело покачивались в невской воде потемневшие от времени деревянные стены, крепость преграждала путь незваным пришельцам, наполняла уверенностью сердца снарядившихся в дальние плаванья новгородских гостей.

Немало ладожской воды утекло с той поры, как привезли в Москву и погребли в Архангельском соборе тело основателя крепости Юрия Даниловича, и в Москве начал княжить его брат – 37-летний Иван Данилович Калита.

Неотвратимо и грозно вершился ход истории, и вершился он совсем не так, как хотелось тверским или московским князьям, а так, как Богу было угодно...

В 1342 году сын Ивана Даниловича Калиты Иван II Иванович Красный женится на дочери московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, и в этом браке будет рожден князь Дмитрий, которого назовут Донским.

Тогда же в лесу, к северо-востоку от Москвы, Сергей Радонежский построил себе келью и церквушку, которая положила начало не только Троице-Сергиеву монастырю, но стала и духовным основанием всей Московской Руси...

«По творческому замыслу основателя, Троичный храм, гениально им, можно сказать, открытый, есть прототип соби-
рания Руси в духовном единстве, в братской любви, – отмечал Павел Флоренский. – Он должен быть центром культурного объединения Руси, в котором находят себе точку опоры и высшее оправдание все стороны русской жизни».

Павел Флоренский говорил, что смертоносной раздельности противостоит живоначалное единство, неустанно осуществляемое духовным подвигом любви и взаимного понимания, и, «вглядываясь в русскую историю, в самую ткань русской культуры, мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому первоузлу: нравственная идея, государственность, живопись, зодчество, литература, русская школа, русская наука – все эти линии русской культуры сходятся к преподобному. В лице его русский народ сознал себя,

свое культурно-историческое место, свою культурную задачу и тогда только, сознав себя, получил историческое право на самостоятельность. Куликово поле, вдохновленное и подготовленное у Троицы, еще за год до самой развязки, было пробуждением Руси, как народа исторического»...

В Первом послании к коринфянам Апостол Павел сказал: «Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питье; ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос.

А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. Все это происходило с ними, как образы, а описано в наставление нам, достигшим последних веков»...

Неотвратимо и грозно вершился ход истории, и все эти годы стояла посреди Невы, заслоня ладожские просторы и саму русскую историю, крепость Орешек.

1

Борьба между тверскими и московскими князьями не самым благоприятным образом отразилась на крепости, хотя бы уже потому, что когда началась борьба князя Ивана Даниловича Калиты за «дани новгородские», Новгород отшат-

нулся к Литве.

«В лето 6841... – говорит новгородская летопись. – Сем же лете вложи Бог в сердце князю Литовьскому Наримонту, нареченому в крещении Глебу, сыну великого князя Литовьскаго Гедимины, и приела в Новъград, хотя поклонитися свя- тии Софии; и послаша новгородци по него Григорью и Олек- сандра, и позваша его к собе; и прииха в Новъгород, хотя по- клонитися, месяца октября; и прияша его с честью, и целова крестъ к великому Новуграду за одинъ человекъ; и даша ему Ладогу, и Ореховый, и Корельскыи и Корельскую землю, и половину Копорьи в отчину и в дедену, и его детем».

История, связанная с превращением сына литовского князя Гедимины князя Наримонта в князя Ладожского и Мо- зырского, путанная и темная.

«Бархатная книга» утверждает, что Наримонта выкупил в Орде сам Иван Данилович Калита и отпустил на великое княжение Литовское, однако, Наримонт «не дошед в своея вотчины, крестися по своему обещанию, и наречен бысть во святом крещении Глеб и тогда братья его и вся земля Литов- ская не даша ему великаго княжения, а посадиша на вели- кое княжение Олгерда, а Наримонта взяли в Великий Нов- город».

По другим источникам⁴, это сам новгородский архиепи- скоп Василий Калика вынужден был пообещать Наримон- ту княжение в Новгороде, когда по дороге из Владимира

⁴ «Словарь исторический о русских святых».

Вольшского «гнался за ними с Татарским баскаком» киевский князь Федор.

Как бы то ни было, но передача Наримонту «в отчину и деди́ну» главных новгородских крепостей вместе с Орешком вызвала волнения в Новгороде.

«Думая, может быть, и то, что Россия, истерзанная Моголами, стесняемая Литвою, должна скоро погибнуть, – писал по этому поводу Н.М. Карамзин. – Новогородцы искали способ устоять в ее падении с своею гражданскою вольностию и частным избытком».

Вольно было новгородцам мудрить и подыскивать оправдания отходу от Руси, но перехитрить свою русскую судьбу им не удалось, и не могло удаться, поскольку не было на то Божией воли.

Судьба Орешка ясно показала это...

Ему предстояло заслонить Русь от очередного крестового похода.

2

Еще в 1316 году в Швеции в семье герцога Эйрика Магнуссона и принцессы Ингеборг, дочери норвежского короля Хакона V, родился сын, названный Магнусом.

В 1319 году свергли с престола Биргера, родного дядю Магнуса, и трехлетний ребенок стал королем Швеции.

Магнусу не исполнилось и четырех лет, когда скончался

его дед, норвежский король Хакон V, и Магнус получил еще и норвежский престол.

В Швеции он был Магнусом II, а в Норвегии – Магнусом VII.

Самостоятельное правление Магнуса, хотя он и согласился включить постановления первой шведской «конституции» 1319 года в состав Ландслага⁵, трудно назвать безоблачным.

Можно связать резкое ухудшение при Магнусе государственных финансов с излишне роскошной жизнью короля и его двора, а также со значительными затратами на многочисленные войны, но и непрекращающиеся конфликты с оппозицией, тоже не способствовали стабилизации положения.

Впрочем, это шведско-норвежская история короля Магнуса, а для нашего повествования интереснее и важнее русская часть его жизни...

3

Решение Магнуса II предпринять новый крестовый поход на восток некоторые историки объясняют влиянием на короля Биргитты (Бригитты).

⁵ Кодекс общешведских законов – Ландслаг – вырабатывался большой комиссией под председательством лагманов – глав отдельных областей Швеции. Ландслаг основывался на законах Уппланда и Эстергетланда и королевских постановлениях.

Она было дочерью Биргера Персона, который возглавлял совет опекунов при юном короле Магнусе.

В семь лет, как рассказывала сама Бригитта, к ней явилась Богоматерь и возложила на ее голову корону, что, впрочем, не помешало 13-летней девушке – это произошло как раз в год воцарения трехлетнего Магнуса! – выйти замуж за Ульфа Гудмарссона и родить ему восьмерых детей.

И так, быть может, счастливо и жила бы она⁶, но в 1344 году умер муж, и вскоре после его смерти к Бригитте вернулись чудесные детские видения, и она осознала, что ее предназначение – не рожать детей, а передавать повеления Бога земным правителям и представителям высшего духовенства.

Считается, что это призывы Бригитты способствовали прекращению Авиньонского пленения пап⁷ и возвращению Святого престола в Рим.

Понятно, какое влияние оказывали видения святой Бригитты, про которую уже при ее жизни рассказывали, что она развешивает свои одежды на лучах солнца, на короля Магнуса, который знал ее с первых лет своей жизни.

⁶ «Под духовным руководством одного образованного монаха Бригитта начала изучать Писания и оказала очень благотворное влияние на свою семью: благодаря Бригитте она стала настоящей „домашней Церковью“, – говорил недавно в катехитической беседе с русскими католиками папа Бенедикт XVI. – Этот первый период жизни Бригитты помогает понять то, что сегодня мы могли бы назвать подлинной „супружеской духовностью“: христианские супруги вместе могут пройти путь святости, укрепляемые благодатью Таинства Брака».

⁷ Авиньонское пленение пап – период с 1309 по 1378 год, когда резиденция глав католической церкви находилась не в Риме, а в Авиньоне.

Когда в видении в 1346 году Бригитта получила повеление основать новый монашеский орден, члены которого, мужчины и женщины, должны были жить совместно в смешанных монастырях, тридцатилетний король выделил под будущую обитель ордена землю на озере Ваттерн в Вадстене.

Чуть отвлекаясь, скажем, что папа римский Климент VI, который не был столь же осмотрителен и осмелился отклонить прошение святой Бригитты, поплатился за это после своей кончины.

«Услышьте теперь!

Колокола пылают⁸, и люди кричат: „Государь наш мертв, государь наш Папа покинул нас; благословен будь сей день, но не благословен сей государь“.

Как странно, ибо кричать им было б уместно: „Да благословит Господь нашего государя жизнью длинной и благополучной“; а они кричат и приговаривают с радостью: „Упал он, и пусть не встанет никогда!“

Но не странно это, ибо сам он, которому следовало б восклицать: „Придите ко мне и обретите покой в душах своих“, призывал всех: „Придите ко мне и поклонитесь ко мне, живущему в роскоши и славе более, чем у царя Соломона были. Придите ко двору моему, и опустошите кошель свои, и мы найдем прощение вашим душам“.

⁸ Накануне известия из Авиньона о кончине папы Климента VI, 2 декабря 1352 года, колокольня Святого Петра была подожжена ударом молнии. Все колокола упали на землю, разбились и расплавились.

Так кричал он и устами, и пергаментами своими.

По сему и Моему гневу пришло время, и буду судить я его как одного из тех, кто разгонял стада святого Петра.

О, что за суд ожидает его!

Но все же, если он успеет обратиться ко Мне, я приду к нему и встречу на полпути, как заботливый Отче».

Так, от лица самого Бога, обличала святая Бригитта неуговорчивого Климента VI после его кончины.

Понятно, что король Магнус, если даже у него и были сомнения, не дерзнул противоречить святой Бригитте, когда решался вопрос о крестовом походе на Русь.

4

Ранней весной 1348 года в Новгород прибыло необычайное посольство.

То есть посольство было самое обыкновенное, но вот предложения, привезенные послами, звучали странно и даже и для бывалых новгородцев.

Шведский король Магнус II предлагал новгородцам выставить своих самых искушенных философов и богословов, чтобы они в ученом диспуте со шведскими философами и богословами выяснили, чья же все-таки вера лучше?

Проигравшей спор стране следовало принять веру победителя.

Может быть, в устах святой Бригитты подобное предложе-

ние и звучало естественно, но изложенное прямой русской речью: «Ино аз иду в вашу веру, или, паки аще наша будет вера лучше, и вы пойдете в нашу веру!» – оно пробуждало в новгородцах беспокойство за состояние шведских умов...

Новгородским архиепископом был тогда святитель Василий Калика.

В молодости, будучи еще священником Космодемьянской церкви Григорием, Василий Калика, как и святая Бригитта, совершил паломничество на Святую землю, за что и получил свое прозвище⁹.

В 1330 году новгородцы «от мала до велика возлюбили» его и избрали по жребию новгородским владыкой.

Став после монашеского пострижения Василием, он семнадцать лет управлял новгородской епархией, и деятельность его выходила далеко за пределы церковной жизни.

Архиепископ Василий Калика занимался не только писанием икон и строительством храмов, но еще и укреплял крепостные стены в Новгороде, строил мосты, занимался дипломатической работой. Это ему обязан Новгород своим примирением с Москвой в 1340 году, когда Василий Калика заключил от имени Новгорода мир «по старым грамотам» с великим князем Симеоном Гордым.

Не чужд был архиепископ и ученых трудов.

Его послание тверскому епископу Феодору о рае много веков повторяли русские летописи.

⁹ Калика – паломник, странник. Словарь русского языка XI–XVII веков.

С годами авторитет святителя Василия стал столь высоким, что митрополит Феогност благословил его «крещатыми ризами». Этим знаком особого достоинства Василий Калика был отмечен первым не только из числа новгородских владык, но и среди всех русских иерархов.

Ну а белый клобук, посланный Василию Калике Константинопольским патриархом, превратился в сюжет «повести о новгородском белом клобуке», утверждающей, что Русская Церковь является наследницей и Византии, и Римской империи, поскольку клобук этот некогда из рук императора Константина получил первый папа римский Сильвестр.

Вот этому архиепископу и предстояло ответить святой Бригитте и шведскому королю Магнусу II. И Василий Калика проявил тут воистину святительскую мудрость.

– Веру мы приняли от греков, и не нам решать, лучше она или хуже латинской, – учтиво и смиренно ответил он. – Пошлай с этим вопросом к Константинопольскому патриарху, а если имеешь какие претензии к нам – скажи прямо, о том мы готовы говорить.

Магнуса и святую Бригитту такой ответ не удовлетворил, и весной 1348 года, как только открылась навигация на Балтике, в Неву вошли шведские корабли.

Часть войска – крепость тогда занимала только часть острова – высадилась в конце июня на Ореховом острове, а другая часть, разделившись на небольшие отряды, начала гра-

бить земли по берегам Невы.

Намеченный богословский диспут перешел сразу в практическую плоскость. Всех русских пленных, отказывающихся перейти в католическую веру, Магнус приказывал казнить.

5

Кто знает, может быть, и взятие Орешка тоже было открыто в видениях святой Бригитты, ведь захватом этой крепости решались чрезвычайно важные задачи крестового похода.

Во-первых, Орешек позволял контролировать торговлю Новгорода с Западной Европой, во-вторых, отрезал от Новгорода карел, и лишенные новгородской поддержки они неизбежно должны были покориться шведам. Ну и, в-третьих, открывалась возможность покорения всей Ижорской земли.

Сорок дней длилась осада.

Возможно, шведам и удалось бы задушить осадой крепость, тем более что ореховский князь Александр Наримонтович в своей столице отсутствовал, но тут случилось событие, которое не предвидели ни король Магнус, ни святая Бригитта.

23 июля сравнительно небольшой отряд новгородцев, возглавляемый боярами Онцифором Лукиничем, Яковом Хотовым и Михаилом Фефиловым, с криком «Святая София!»

неожиданно атаковал шведский корпус и разгромил его.

«...Избиша немец 500 в канун святых Бориса и Глеба, а иных изнимаша и переветников казниша, – сообщает по этому поводу новгородская летопись. – А бой бысть на Жабце поле».

Это Жабце (Жабче) поле располагалось в северо-западном углу Гатчинского района, на месте нынешнего поселка Терволово.

Весть о поражении на Жабце поле заставила Магнуса изменить тактику рыцарской войны.

В первых числах августа он отправил в осажденную крепость Орешек посланцев, обещая уйти, если город заплатит ему выкуп.

Подумав, жители столицы Ореховского княжества согласились и 6 августа отворили ворота.

Вместо того чтобы уйти, шведы вошли в город.

Впрочем, сам Магнус свое обещание сдержал.

Через неделю, оставив в Орешке восемьсот человек гарнизона, он отплыл обратно в Швецию на военный совет со святой Бригиттой.

Уплыл король вовремя...

Уже 15 августа новгородское ополчение осадило крепость.

Полгода новгородцы держали шведов в осаде, но те не сдавались, и 25 февраля 1349 года начался штурм.

Возведенные князем Юрием Даниловичем деревянные

стены были обложены хворостом и подожжены. Шведы попытались укрыться в каменной башне, но новгородцы ворвались и туда.

Так был взят Орешек, вернее то, что осталось в нем после пожара.

6

В драматургической коллизии, что в полном соответствии со словами апостола Павла разворачивалась в середине XIV столетия как «образы для нас», как «наставление нам, достигшим последних веков», события сплелись так причудливо, что судьбы исторических персонажей кажутся заимствованными из волшебных сказок.

Как разделяют Ореховый остров потоки ладожской воды, так же разделены были судьбы инициаторов крестового похода 1348 года на Русь.

Мы знаем, что вернувшийся в Рим папа Урбан V разрешил Бригитте учредить орден, получивший название Ордена бригитток, и она построит смешанный монастырь в Вадстене на озере Ваттерн, в котором ее дочь, святая Катерина Шведская станет первой аббатисой.

Сама святая Бригитта умрет в 1377 году, и будет похоронена в монастыре в Пирите, в нескольких километрах от нынешнего Таллинна.

В честь ее заслуг, не последнее место среди которых зани-

мала и проповедь крестовых походов против схизматиков, папа римский Бонифаций IX причислит Бригитту в 1391 году к лику святых, а в 1999 году она будет провозглашена папой римским Иоанном Павлом II покровительницей Европы.

Камень на могиле короля Магнуса II

Совсем другая судьба выпала королю Магнусу II.

Поощряемый будущей покровительницей Европы Магнус предпринял новый поход на новгородские владения, но поход этот оказался еще более неудачным, чем предыдущий.

Когда корабли крестоносцев вышли в Финский залив, поднялся шторм и, как сообщает новгородская летопись, «рать немецкая истопе (утонула) в море».

Утонул, согласно шведским хроникам, и сам король Магнус II.

Подтверждая этот факт, в XIX веке почитателей короля водили к его могиле – нагромождению камней на берегу моря. Однако в XX веке археологи раскопали могилу на берегу моря и вынуждены были разочаровать паломников. Захоронение, объявленное захоронением Магнуса II, относилось к бронзовому веку.

Зато сохранилась могила «Схимонаха Григория, шведского короля Магнуса» на старом монастырском кладбище Валаама. Как утверждают здешние предания, Магнус спасся во время бури и был подобран русскими монахами.

Они и выходили неудачливого крестоносца.

Магнус оставил тогда трон, постригся в монахи под именем Григория и, будучи схимонахом, умер в 1374 году в Валаамской обители.

Как мы уже говорили, новгородский архиепископ Василий Калика, пока не призвали его на святительское служение, был священником Григорием.

Король Магнус стал иноком Григорием.

В этом зеркальном отражении имен и чудится нам развязка богословского спора о вере, который пыталась затеять с новгородцами святая Бригитта.

Диковинный поворот случился и в посмертной, связанной с Россией судьбе самой Бригитты.

Монастырь в Пирита, где была погребена святая «просветительница эстов», – развалины его находятся в пешеходной доступности от современного Таллинна! – во время Ливонской войны (1558–1583) оказался разрушенным. Однако реформационное движение тогда уже охватило скандинавские страны и Прибалтику, и судьба захоронения католической святой никого не волновала.

Вспомнили о мощах «покровительницы Европы» уже при Петре I. И вспомнили чисто по-петровски.

Венера Таврическая

В Риме тогда откопали великолепную статую Венеры (Афродиты), Юрий Кологривов купил эту статую для русского государя, но поскольку папа римский Климент XI не разрешал вывезти ее, Петр I предложил обменять «мрамурового Венуса» на мощи святой Бригитты.

Климент XI был поставлен в безвыходное положение. Будучи главой католической церкви и наместником Бога на земле, он никак не мог предпочесть языческую богиню мощам католической святой.

Обмен состоялся, и так у Петра I появилась настоящая античная статуя, которая под наименованием Венеры Таврической экспонируется сейчас в Эрмитаже.

8

Впрочем, с обменом мощей святой Бригитты на «мрамурового Венуса» мы забежали почти на четыре столетия вперед, тогда же, в 1352 году, новгородские бояре и черные люди били челом владыке архиепископу Василию Калике, чтобы он «ехал и устроил башни в Орехове».

Василий Калика не стал медлить.

Решено было восстановить Орешек в камне.

После Ладоги, Копорья, Пскова, Новгорода и Изборска

Орешек должен был стать шестой цельно каменной русской крепостью.

Каким был Орешек, спроектированный святителем Василием Каликой, археологам удалось выяснить совершенно точно.

«У стен церкви XIX века, в центре крепостного двора, почти под современной мостовой, во время раскопок 1969 года вдруг показался ряд валунов. Участников экспедиции насторожило то, что в сооружениях острова такие камни не употреблялись. Находку стали расчищать, обнажился отвесный край, и стало ясно, что это не отдельные камни, а необычная для этих мест кладка из крупных и мелких валунов на известковом растворе. Среди валунов были видны выравнивающие прокладки плитняка. Возникло предположение о дворце, тереме, церкви, отдельно стоящей башне... Из земли между тем освобождалось нечто необычное, словно былинное. На трассе 120 метров (с перерывами из-за поздних повреждений) открылась внушительная стена толщиной в три с лишним метра, сохранившаяся на высоту до двух с половиной метров. Ее внутренняя часть оказалась забутованной мелким булыжником. Фундамент образован двумя-тремя рядами крупных сложенных насухо (без раствора) валунов. Неровность плана, рельефно выступающие камни, затейливая игра светотени придавали сооружению вид гигантской скульптуры...

В одном месте раскопа наметился резкий поворот стены.

На ее предполагаемом продолжении забили вешку и наметили новый раскоп. И снова лопата звякнула о стену. Поразительно, что здесь древние камни лежали почти на самой поверхности. По ним ходили и ездили, не подозревая о том, что они здесь существуют. Стена изгибалась буквой „Г“: это были северная и западная стороны неправильного четырехугольника. Восточная сторона его была выявлена в 1970 году (южная не сохранилась).

Итак, за два года раскопок удалось раскрыть три стороны древней крепости. Она занимала юго-восточную часть острова размером примерно 90 на 100 метров. Укрепление, построенное архиепископом Василием в ответственный момент русской истории, перестало быть загадкой»¹⁰...

9

Грозно возвышалась крепость на холме в юго-восточной части острова.

Восточная и южная стены ее, сложенные из крупных валунов и известковых плит, повторяли изгибы береговой линии, а вдоль западной стены крепости проходил трехметровой ширины канал, пересекавший остров с севера на юг и отделявший крепость от посада, занимавшего всю западную часть острова.

¹⁰ Кирпичников А.Н., Савков В.М. Крепость Орешек: Историко-архитектурный очерк. – 2-е изд., испр. и доп. – Д., 1979.

Остров Орешек

Воротная башня начала XVI века. Вид с крепостного двора

По верху крепостных стен был устроен боевой ход с квадратными бойницами.

Крепость имела три приземистые прямоугольные башни, которые возвышались над стенами. Воротная башня стояла почти в центре северной стены, две другие располагались в юго-западном и северо-восточном углах¹¹.

¹¹ Фрагмент северной стены новгородской крепости 1352 года с Воротной башней законсервирован и стал экспонатом музейной экспозиции.

Впрочем, достраивали Орешек уже без архиепископа Василия Калики.

«Кто во что позван, тот в том пребывает», – говорил святитель и всегда следовал этим словам в собственной жизни.

«Нарядив костры» в Орешке (заложив крепостные башни), он уехал в Псков, где открылась тогда эпидемия моровой язвы.

Великое опустошение произвела «черная смерть» в Пскове, и подавленные горем и страхом жители умоляли архиепископа помолиться вместе с ними.

Прибыв в Псков, Василий Калика исполнил свой архипастырский долг, совершил богослужение в трех церквях и обошел город с крестным ходом, а уже возвращаясь в Новгород, заболел и скончался в обители Архангела Михаила, при устье реки Узы, впадающей в Шелонь.

Случилось это 3 июля 1352 года.

И получается, что спроектированная и заложенная им незадолго до кончины крепость Орешек с тремя прямоугольными башнями, с маковкой церкви, выглядывающей из-за сложенных из валунов стен, стала еще и памятником великому – не зря был передан ему из Константинополя белый клобук! – святителю Василию Калике.

Глава третья

ТВЕРДЫНЯ МОСКОВСКОЙ РУСИ

*Яко погна враг душу мою: смирил есть в землю
живот мой: посадил мя есть в темных, яко
мертвые века.*

Псалом 142, ст. 3

«Черная смерть», унесшая жизнь святителя Василия Ка-
лики, распространилась из Пскова по всем новгородским
пределам.

«Был мор во Пскове, потом в Новгороде и Ладоге и по
всей земле Новгородской». В городе Глухове не уцелело ни
одного человека. Люди умирали, харкая кровью.

Не обошла «черная смерть» и Москву.

11 марта 1353 года скончался от чумы митрополит Фе-
огност, который объединил под своим омофором всю Рус-
скую Церковь, следом за ним умер со всей семьей и 35-лет-
ний великий князь Симеон Иванович Гордый.

«А по благословению нашего отца, что нам приказал жити
за один, так и я вам приказываю своей братии – жити за один.
А лихих бы людей вы не слушали, кто станет вас сваживать.
Слушали бы вы отца нашего, владыку Алексея, также и ста-
рых бояр, кто хотел отцу нашему добра и нам. А пишу вам
это слово для того, чтобы не перестала память родителей на-

ших и наша, и свеча бы не угасла», — писал он в своем завещании.

На московский престол вступил его брат Иван, отец князя Дмитрия, которого назовут Донским.

Казалось бы, оттесняя племянников, Иван Иванович поступил не право, но семь столетий спустя мы видим, что он просто исполнил тогда Божию волю. И как бы подтверждая это, династические перемены в Москве совпадают по времени с началом игуменства преподобного Сергия в обители Пресвятой Троицы близ Радонежа.

А вскоре произошло и совсем уже небывалое событие.

Сотворился «мятеж во святительстве¹², и митрополитом Киевским и всея Руси оказался урожденный москвич, сын боярина Федора Бяконта, будущий святитель Алексей.

1

Всего шесть лет княжил Иван II Иванович Красный (Кроткий).

13 ноября 1359 года он умер, и на московский трон был возведен девятилетний Дмитрий.

Фактическим регентом при юном князе стал переваливший на седьмой десяток митрополит Алексей, великий молитвенник и прозорливец. Для того чтобы Москва превра-

¹² Тогда уже был поставлен митрополитом на Русь Роман.

тилась в центр, вокруг которого начала объединяться Северо-Восточная Русь, святитель Алексей сделал, кажется, больше, чем сами московские князья.

Обширный жизненный и политический опыт митрополита Алексея оказался востребованным уже в самые первые месяцы княжения юного Дмитрия, поскольку в борьбу за великое княжение Владимирское, наследовать которое привыкли московские князья, вступил суздальский князь Дмитрий Константинович.

Но не только это обстоятельство требовало святительской осмотрительности и решительности.

Уже окрепла на Западе другая сила, угрожающая существованию Руси, и подобно московским князьям, которые приводили татар на Русь, чтобы упрочить свою власть, тверские князья начали обращаться с этой целью к Литовскому княжеству. Осенью 1368 года, когда «мгла стояла три месяца, и рыба в реках мерла», Михаил Александрович Тверской привел на Русь войска своего зятя Ольгерда.

Литовцы разбили на Тросне московский сторожевой полк и осадили Московский Кремль, но каменных стен сооруженной Дмитрием Иоанновичем и святителем Алексием крепости одолеть не смогли.

Три дня Ольгерд стоял в осаде, а потом ушел, опустошая Московскую землю. Впервые после 40-летнего мирного периода Московское княжество испытало неприятельское нашествие. «Такого зла и от татар не бывало», – сказано в ле-

тописи.

Немало зла против святого страстотерпца князя Михаила Ярославовича Тверского и всего Тверского княжества совершил основатель крепости Орешек князь Юрий Данилович.

Теперь, словно в злом волшебном зеркальце, перевернулись былые события.

31 мая 1372 год полки Михаила Александровича Тверского разбили новгородцев и сожгли Торжок, а жителей истребили.

«Было многое множество мертвых, избитых, утонувших, обожженных, задохнувшихся в дыму... — пишет летопись. — А другие начисто сгорели, а иные утопленники уплыли вниз по Тверце. Такой беды не было Торжку даже от татар».

А через две недели войска Ольгерда и Михаила Александровича Тверского соединились под Калугой и двинулись на Москву.

2

Но уже не остановить было движение Руси к Куликову полю.

И хотя посол Мамая Ачихожей и Некомат Сурожанин привезли в Тверь Михаилу Александровичу ярлык на великое княжение Владимирское, и князь тотчас же сложил «целование крестное» и разорвал мир с Москвой, это уже не могло ничего переменить.

Побеждая «страх пред ненавистною раздельностью мира», русские люди сохранили единство. 3 сентября 1375 года полной капитуляцией Михаила Александровича Тверского завершилось почти полувековое противостояние Твери и Москвы.

Михаил Александрович навечно отказался от притязаний на великое княжение и признал себя «младшим братом» московского князя. Никто из князей не осмеливался теперь оспаривать главенство московского князя Дмитрия.

И наступил долгожданный срок...

30 августа 1380 года во Владимире, в храме Рождества Богородицы, вдруг вспыхнули ночью сами по себе свечи, и когда в церковь вбежал испуганный пономарь, то увидел двух старцев, вышедших из алтаря. Они прошли к гробнице Александра Невского и сказали:

«Александр! Встань и спаси правнука твоего Дмитрия!».

И встал Александр Невский из гроба, и скрылся со старцами.

А на следующий день мощи святого князя были открыты и поставлены в раке посреди собора.

Начались чудеса исцеления от них.

Главное же чудо произошло 8 сентября на Рождество Богородицы, когда русские войска переправились через Дон и встали на реке Непрядве, на поле Куликовом.

«И была брань крепкая и сеча злая, и лилась кровь как вода, и падало мертвых бесчисленное множество от обеих

сторон».

Весь передовой полк оказался вырублен татарами, и только стойкость владимирских и суздальских полков во главе с князем Глебом Брянским и воеводой Вельяминовым позволила предотвратить прорыв татар в центре.

Когда татары уже подсекли полковое знамя в Большом полку, в бой вступил Засадный полк под предводительством Владимира Андреевича Серпуховского. Вступление в бой свежих сил решило исход битвы – татары были разгромлены.

Все эти годы, омывая остров, неудержимо текла ладожская вода, и четко рисовался на фоне неба грозный силуэт города-крепости, окруженного водным простором.

Надежно закрывала крепость от врагов Приладожье.

3

И вот случилось и на этой земле великое чудо...

Три года спустя после Куликовской битвы вышедшие на промысел в Ладогу рыбаки увидели в небе икону Пресвятой Богородицы. Озаренная ослепительным сиянием повисла она 26 июня 1383 года над озером, а потом быстро стала удаляться в сторону устья Свири.

Наверное, чудесный свет различался и с крепостных башен Орешка, но скоро и здесь потеряли икону из виду.

Зато теперь икону увидели на берегу.

Недалеко от впадения реки Ояти в Свирь находится

Смолкова гора, тут и остановилась первый раз на Русской земле пришедшая из Константинополя икона Божией Матери.

Следующая остановка была в деревне Имоченицы.

Отсюда, сопровождаемая толпами ладожских рыбаков и местных крестьян, чудотворная икона прошествовала к местности «нарицаемой Тихфин».

Дальнейшая история Тихвинской иконы, которую называют охранительницей северных пределов России, известна достаточно хорошо, но первые остановки на Русской земле иконы, которая, словно чистый свет, возникла в евангельски простом северном пейзаже над Ладожским озером, еще нуждаются в осмыслении.

Ведь эти остановки таинственным образом связаны с рождением человека, глазами которого воочию увидит Православная Русь Святую Троицу...

В Имоченицах, на высоком, обрывистом берегу Ояти, где останавливалась Тихвинская икона, сохранилось предание...

Рассказывают, что в тот летний день 1383 года местный перевозчик слышал с противоположного берега Ояти женский голос с просьбой перевезти через реку.

Однако, когда он переехал туда, никого не оказалось там, и пришлось возвращаться в Имоченицы.

И снова слышал перевозчик женский голос, и снова не нашел никого. Лишь на третий раз увидел перевозчик в сво-

ей лодке икону, которая после чудесным образом объявилась на речке Тихвинке...

В этом предании ценна не фактография события (после того как икона первый раз остановилась на Смолковой горе, ее сопровождали толпы богомольцев, отмечавшие каждую остановку иконы закладкой часовен и храмов), а внутреннее осознание современниками произошедшего чуда.

Большинство очевидцев встречи иконы в 1383 году ощущали, что плывущая по небу икона пришла именно к нему, именно в его жизнь...

4

Мы не знаем, где – в Смолковой горе, Имоченицах или Мандерах – жили деды и прадеды преподобного Александра Свирского, но можно не сомневаться, что они находились среди богомольцев, встречавших икону на Русской земле.

Что чувствовали они, глядя на вставший в воздухе, сияющий, как солнце, образ?

Какая благодать переполняла их души?

Понимали ли они тогда, что свет этого Божьего чуда озаряет рождение их детей Стефана и Вассы, будущих преподобных Сергия и Варвары – родителей преподобного Александра Свирского?

Но мы помним, что когда евангелист Лука написал на доске стола, за которым трапезовали Иисус Христос, Дева Ма-

рия и Иосиф Обручник, образ Божией Матери, который называют сейчас Тихвинским, Пречистая Богородица, посмотрев на икону, сказала: «С этим образом – благодать Моя и сила».

Среди этой благодати и силы, дарованных Богородицей, и проходило детство родителей преподобного Александра Свирского...

Житие Александра Свирского не расшифровывает, почему родители преподобного, уже имея многих детей и находясь в значительном возрасте, так сильно печалились о даровании им еще одного сына.

Видимо, что-то было открыто им свыше...

Нам это открывает сама история нашей страны...

Мы знаем, что середина XV века, когда рождается Александр Свирский, это время распространения и укрепления преобразующих Русь воззрений игумена всея Руси Сергия Радонежского.

Исследователи справедливо отмечают, что постижение идеи Троицы, выразившееся в широком строительстве на Руси Троичных храмов, развитии Троичной иконографии и создании цикла Троичных празднеств, которые Сергей Радонежский положил в духовное основание Святой Руси, было небывалым шагом вперед во всей православной истории. Все те *исторические случайности*, которые можно отыскать в предшествовавшей истории, следует рассматривать лишь как *смутные предчувствия* того целостного явления, кото-

рое раскрылось на Руси в XIV веке.

«Таковым было слово преподобного Сергия, выразившего самую суть исканий и стремлений русского народа, – говорил Павел Флоренский, – и это слово, хотя бы и произносимое ранее, сознательно и полновесно было, однако, произнесено впервые им... Читатель Пресвятой Троицы, преподобный Сергий строит Троичный храм, видя в нем призыв к единству земли Русской, во имя высшей реальности. Строит храм Пресвятой Троицы, «чтобы постоянным взиранием на него» «побеждать страх пред ненавистною раздельностью мира...

Смертоносной раздельности противостоит живоначалное единство, неустанно осуществляемое духовным подвигом любви и взаимного понимания. По творческому замыслу основателя, Троичный храм, гениально им, можно сказать, открытый, есть прототип собирания Руси в духовном единстве, в братской любви. Он должен быть центром культурного объединения Руси, в котором находят себе точку опоры и высшее оправдание все стороны русской жизни».

Скорее всего, Стефан и Васса не осознавали всей глубины проводимого учениками Сергия Радонежского духовного переустройства, возможно, они вообще ничего не знали о своем великом предшественнике, но это не помешало им стать его соработниками в духовном преображении Руси.

Ведь их духовное предназначение, как и духовное творчество преподобного Сергия Радонежского, как иконописа-

ние его ученика, преподобного Андрея Рублева, совершалось полностью по Божией воле, которую эти святые прозревали и воплощали в своих свершениях.

«Было же это, – говорит житие Александра Свирского, – по смотрению Божию, так как невозможно родить без молитвы и поста такое сокровище, которое еще прежде зачатия его, избрал Господь наставником многих ко спасению».

5

Ни появление Тихвинского монастыря, ни житие Александра Свирского, единственного святого, которому воочию явилась Святая Троица, напрямую не связаны с крепостной твердыней на Ореховом острове, но, возможно, без этой русской крепости и не было бы названных нами событий.

Прикрывая пространство Приладожья и Присвирья, крепость на Ореховом острове защищала от католической экспансии православие, и оно дивно расцветало здесь под ее защитой.

А шведы не оставили попыток захватить край.

В 1390 году, как говорят новгородские летописи, «...поставиша Свєя город над Невою, на устьи Охты реки, нарекоша его Венец земли».

И еще более усилилось значение Орешка.

Поэтому-то в 1410 году, перед очередным походом на Выборг, оградили крепостной стеной, повторявшей изгибы бе-

реговой линии, и посад на Ореховом острове.

Мудры были строители, продолжившие фортификационное дело святителя Василия Калики...

Включив в крепостное пространство канал, в который можно было заводить на стоянку корабли, готовые к преследованию врага, они не только получили возможности контроля проходящих мимо караванов, но и многократно усилили военную мощь крепости...

А события в стране совершались своим чередом.

В 1425 году пришедшая из Прибалтики эпидемия захватила Новгород, Тверь и Москву, и «была скорбь великая по всей земле».

Умер тогда в Москве сын Дмитрия Донского, 53-летний великий князь Василий I Дмитриевич. И хотя он и не отличился ни в битвах, ни в походах, «незримой» своей деятельностью сумел значительно укрепить отцовское наследие.

Стол московский и владимирский занял десятилетний князь Василий II Васильевич (Темный).

Но встал на его пути дядя, звенигородский и галицкий князь Юрий Дмитриевич, развязавший вместе со своими сыновьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой жестокую междоусобную войну. Семнадцать лет длилась она.

Новгород накануне этой междоусобной войны перешел под покровительство Свидригайла, великого князя литовского, но, словно в ответ на новое новгородское шатание, родился в Москве у Василия II Васильевича второй сын, бу-

душий царь Иван III Васильевич – «собиратель земли Русской».

По преданию, блаженный Михаил Клопский сказал тогда новгородскому архиепископу Евфимию: «Сегодня радость большая в Москве. У великого князя московского родился сын, которому дали имя Иван. Разрушит он обычаи новгородские и принесет гибель нашему городу».

А на следующий год вернулся в Москву с Флорентийского Собора митрополит Исидор.

Совершая богослужение в присутствии великого князя, за литургией вместо Вселенских патриархов он помянул имя Папы римского, а по окончании службы зачитал грамоту Флорентийского Собора о произошедшем соединении римско-католической и византийско-православной церкви.

Назвав Исидора «латинским злым прелестником», Василий II Васильевич приказал заточить митрополита в Чудов монастырь.

А еще?

Еще скончался преподобный Арсений Коневский – создатель обители на Ладожском озере...

Еще, поевши отравленной курицы, умер в Новгороде неудачливый соперник Василия II Васильевича князь Дмитрий Шемяка...

В 1456 году Василий II Васильевич Темный за «неисправление новгородцев» предпринял карательный поход и захватил Старую Руссу. Узнав об этом, новгородцы выступили на-

встречу князю с дружиной, но были разгромлены. Посадник Михаил Туча и многие новгородские бояре попали в плен.

Новгород вынужден был заключить с Москвой Яжелбицкий договор, согласно которому Новгородская республика лишалась права вести самостоятельную внешнюю политику.

Когда великий князь Василий II Васильевич Темный прибыл в Новгород, чтобы поклониться новгородским святыням, искушение убить его так одолевало новгородцев, что архиепископу Ионе стоило большого труда отговорить их. Дело ограничилось бурей, что пронеслась, разрушая дома и церкви в Москве и Новгороде, а великий князь Василий II Васильевич Темный умер сам, заболев «сухотною болезнию».

Престол в 1462 году занял его сын – Иван III Васильевич, который, как и предсказывал блаженный Михаил Клопский, разрушил обычаи новгородские.

Зато при Иване III Васильевиче был перестроен Орешек.

6

Старые стены крепости были разобраны почти до фундамента, и на острове поднялась новая мощная твердыня, стены которой, образуя вытянутый шестиугольник, практически повторяли очертания острова.

Крепость теперь состояла из «города» и дополнительного укрепления внутри него – цитадели.

«Город» защищали семь башен.

С запада, со стороны устья Невы, поставлена была самая мощная башня, с верхнего яруса которой велось наблюдение за рекой и ее берегами.

Цитадель защищали три башни. Самой высокой из них была Колокольная башня. Отсюда воеводы следили за ходом боя и передвижением врага, а дозорные вели непрерывное наблюдение за водными просторами Ладоги, Невы и за ее берегами¹³. Башни цитадели были соединены сводчатыми галереями, сделанными в стенах. В этих галереях хранились запасы продовольствия и боеприпасов.

Каждая башня имела ярусы. Подошвенный бой был перекрыт каменным сводом. Второй, третий и четвертый ярусы отделялись друг от друга деревянными настилами – мостами.

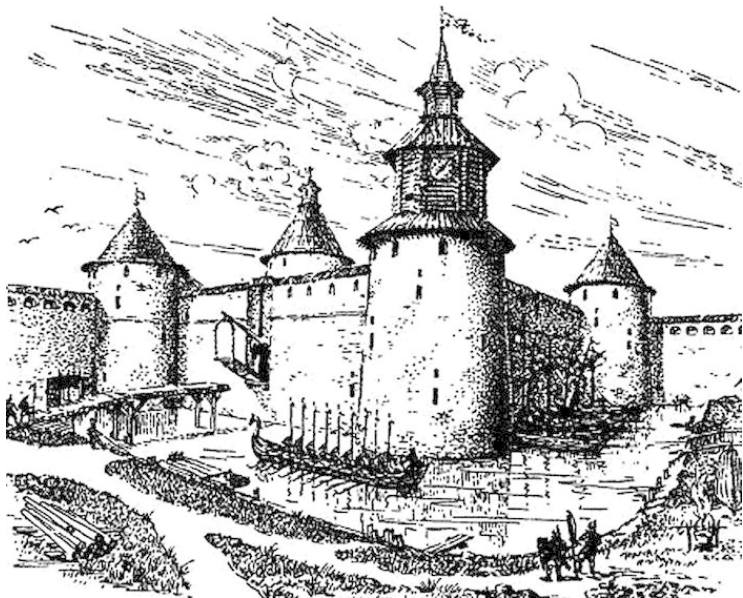
Изогнутый под прямым углом проход в крепость находился в Государевой башне¹⁴.

Не забыли строители возвести и каменную церковь Спаса внутри крепости.

В 1555 году перестроенный Орешек держал первое испытание.

¹³ Из башен цитадели уцелела только одна – Светличная.

¹⁴ Стены и башни Орешка начала XVI века, хотя и в значительно измененном виде, сохранились до наших дней. Реставраторами восстановлены сейчас Государева башня и боевой ход на стене между нею и башней Головина.

Цитадель с каналом и гаванью. XVI век

Иоанн Грозный, правивший тогда на Руси, уже взял Казань и готовился к войне за выход к Балтике, когда шведы решили проверить прочность обороны русских границ.

В нарушение 60-летнего перемирия «свей за рубеж перелезли».

10 сентября 1555 года шведский адмирал Якоб Багге осадил Орешек.

Как говорил современник, пришли они «от Выборга су-

хим путем на конях, и пеших с ним людей было много. И в бусах с моря Невою пришли в то же время многие с пушками люди к Орешку же и по городу из пушек били. И стояли под городом три недели».

Орешек не дрогнул.

Воеводам А.И. Ногтеву и С.В. Шереметеву удалось не только организовать успешную оборону – «инех же по су-ху многих немец побиша и живых взяша», но и произвести успешную речную операцию. Они захватили шведский ко-рабль, на котором находилось полтораста человек и четыре пушки.

Через три недели шведы вынуждены были уйти.

Однако Иоанн Грозный не склонен был прощать шведам этой обиды. Поскольку войско все равно надо было посылать воевать за Балтику, решили для начала размяться на Шве-ции.

Ближе к зиме в Новгород прибыл воевода Петр Щеня-тев, приступивший к формированию армии, часть будуще-го войска формировалась непосредственно в Новгороде, так как здесь проживали около сотни пушкарей и пищальников, освобожденных от большинства налогов именно из-за того, что были приписаны к регулярному войску. Другая часть ар-мии сосредоточивалась в деревне Кипень¹⁵, на берегу Фин-ского залива. Некоторые историки считают, что для участия в шведской кампании 1555–1556 годов было мобилизовано

¹⁵ Современный Ломоносовский район.

75 тысяч человек.

Иоанн IV Грозный

Непосредственно в боевых операциях принимала участие лишь треть сформированной армии, но все равно сила эта была слишком большой для Швеции, и шведский король Густав Ваза начал говорить, будто адмирал Якоб Багге самовольно атаковал Орешек, а он, король, и не собирался нарушать мир. Иоанн Васильевич Грозный тоже был преисполнен самых миролюбивых намерений. Он ответил шведскому королю, что коли раздор учинился вопреки воле короля, то надо не позднее Рождества Христова подписать мир, а виновных, кто войну начал, с собою привезти да казнить.

Хотя – редко бывал так благодушен Иоанн Грозный! – можно и по-другому поступить. Пусть, если королю так желается, пришлет он лучших людей, кому верить можно, или бояре на Рождество Христово будут на границе с большою ратью и, виноватых сыскав, приведут же да казнят, чтобы крестное целование не нарушали.

Ну а уж если король таким несговорчивым окажется и если к Рождеству Христову не пришлет никого, то царь и великий князь велит за свою обиду и за королеву неправоту воевать. Тогда нарушение крестного целования будет на короле и кровь старых и молодых прольется из-за тебя, Густава-короля, и твоих державников, а не от нашего и справедливого государя, не от нас, наместников его.

Но то ли шведскому королю жалко стало Якова Багге, который весьма искусным флотоводцем был, то ли еще по какой причине, но не согласился Густав Ваза казнить заслушание адмирала, который его приказание исполнял.

И тут уж, раз такие дикие порядки в Швеции царили, ничего не оставалось Иоанну Грозному, пришлось в поход идти.

Русские войска вошли в Финляндию.

7 февраля в пяти верстах от Выборга состоялось сражение. Разгромленные шведы были вынуждены укрыться за стенами Выборга.

Взять Выборг русским не удалось.

В ответ на разорение карельского берега русские войска опустошили окрестности Выборга и, уводя множество пленных, вернулись назад. Летопись свидетельствует, что шведских пленников продавали тогда за гривну (десять копеек), а девок за алтын (три копейки).

Со Швецией был заключен мир на сорок лет.

7

Сорок лет мира кончились у шведов через четыре года, как только у Иоанна IV Васильевича Грозного начались сложности в Ливонской войне. Магистр Ливонского ордена Готард Кетлер передал тогда свои земли в польско-литовское владение, а северные районы с центром в Ревеле (Таллин-

не) объявили себя подданными Швеции, и Московской Руси пришлось вести войну с коалицией государств.

На первых порах особых успехов для Швеции эта война не имела, но когда командующим шведскими войсками в Прибалтике, а заодно и губернатором Эстляндии, был назначен Понтус Делагарди, положение переменилось.

Понтус Делагарди, и особенно его сын Якоб Делагарди, оставили такой кровавый след в истории России, что, наверное, надо подробнее рассказать об истории этого рода.

Понс Декупри – так звали будущего завоевателя Эстляндии! – родился во Франции в имении Ла Гарди.

Родители хотели выучить его на аббата, но Понсу Декупри по душе была военная служба, и очень скоро он осуществил свои мечтания.

Понс Декупри воевал в Италии и Шотландии, участвовал в гражданской войне между католиками и протестантами, командовал наемниками-ландскнехтами в Дании, пока не попал в шведский плен.

Тут он поступил на шведскую службу, превратился в Понтуса Делагарди и уже в 1568 году изменил королю, приняв участие в государственном перевороте. После победы заговорщиков Понтуса Делагарди отметили многочисленными наградами, но вскоре он снова попал в плен, теперь уже к датчанам.

В награду за долгий плен 17 июля 1571 года король Юхан пожаловал ему титул барона Экхольма...

Вот такие события предшествовали появлению Делагарди на Ливонской войне.

В 1581 году король Иоанн III, задумавший отрезать Россию от Балтийского и Белого морей, одобрил запланированный Понтусом Делагарди поход на Новгород.

В конце октября Понтус Делагарди осадил Корелу – главный опорный пункт русских на Карельском перешейке. После бомбардировки шведской артиллерии удалось поджечь деревянные стены крепости.

Горящая крепость и пылающие ядра превратились в герб Кексгольмского герцогства, а Делагарди, не теряя времени, двинулся к Орешку. Защитникам его было передано письмо короля, в котором тот предлагал передать замок и поселения в его руки.

«Вам будет лучше, чем теперь!» – уверял он, но защитники Орешка не вняли этому королевскому совету, и Делагарди не решился идти к Новгороду.

Народное предание, изображающее Понтуса Делагарди злым чародеем, которому всегда и во всем помогает нечистая сила, подчеркивает, что Делагарди мог одновременно сражаться в нескольких местах, восполняя недостаток в войске птичьими перьями, которые он превращал в воинов.

Это легенды, но и подтвержденные надежными источниками сведения о кампании 1581–1582 годов не сильно отличаются от них.

Войска Понтуса Делагарди прошли по льду Финского за-

лива и овладели Леалем, Везенбергом, Тольсбургом, Гапсалем, а 6 сентября взяли Нарву, являвшуюся в то время крупнейшим центром русской торговли с Европой.

Разумеется, можно спорить о способностях Делагарди к колдовству, но вот в феноменальной жестокости и коварстве его сомневаться не приходится.

Перед штурмом Нарвы Делагарди объявил, что отдает город на сутки на разграбление. В результате, за 24 часа после взятия Нарвы, не считая стрельцов из гарнизона, в крепости было убито 7000 мирных жителей.

После Нарвы пали Ивангород, Ям и Копорье, и только Орешек так и продолжал стоять на пути Понтуса Делагарди, не давая завершить столь успешно начавшуюся операцию.

Наверное, перед штурмом Орешка Понтус Делагарди особенно упорно разбрасывал птичьи перья, превращая их во все новых и новых солдат.

Считается, что шведы сосредоточили на невских берегах десяти тысячную армию, не считая флотилии, блокировавшей крепость с воды.

Защищали Орешек всего пять сотен стрельцов...

8

1582 год выдался самым коротким в Европе.

Пятое октября 1582 года декретом папы Григория XIII предписано было считать 15-м числом октября.

Россия эту реформу тогда не приняла.

Такое ощущение, что десять лишних дней, хотя календарь – Новый год тогда начинался в России 1 сентября! – и не заметил их, оказались спасительными для нас.

Такое ощущение, что на эти дни и попали события, во многом определившие весь дальнейший ход русской истории.

6(15) января Россия и Речь Посполитая подписали Ям-Запольское перемирие в Ливонской войне на десять лет. Польский король отказался от претензий на российские территории, в том числе на Новгород и Смоленск.

19 октября у Иоанна Васильевича Грозного и Марии Нагой родился сын – царевич Дмитрий.

25 октября после битвы у Чувашского мыса Ермак взял столицу Кучума Искер.

«Царь же Кучум, видя свою погибель и царства своего и богатства лишение, рече ко всем с горьким плачем: о мурзы и уланове! Побежим, не помедлим». Он откочевал в ишимские степи.

26 октября, на день памяти святого Димитрия Солунского, дружина Ермака вошла в Искер под хоругвью, на которой и был изображен этот святой.

«Царство сибирское взяша, а царя Кучума победиша и под твою царскую высокую руку покориша многих живущих иноземцев, татар и остяков и вогуличей и к шерти их, по их вере, привели многих, чтобы быть им под твоею государ-

скою высокою рукою до века, покамест Бог изволит вселенной стоять», – писал царю Иоанну Васильевичу Грозному Ермак.

Ермак

С этими судьбоносными для русской истории даты переплетаются даты обороны Орешка.

6 октября шведы установили на Монашеском острове

осадные мортиры, и начали бить по западному углу крепости. Через два дня часть стены была разрушена, и шведскому десанту удалось захватить башню вблизи пролома.

Казалось бы, участь Орешка была решена, но тут – вот она Божия помощь! – сильное течение отнесло боты с новыми отрядами шведских десантников, и яростной контратакой стрельцы сумели скинуть в Неву ворвавшихся в крепость шведов.

«Штурм был начат зря и напрасно и прошел с большими потерями», – отмечает средневековая хроника.

14 октября на помощь защитникам крепости Орешек прибыли на 80 ладьях еще 500 стрельцов, и с их помощью был отражен и второй штурм, предпринятый шведами 18 октября.

7 ноября они сняли осаду крепости.

9

Двухмесячная героическая оборона города сорвала замыслы Делагарди, не помогло ему никакое чародейство, и в результате в 1583 году было подписано Плюсское перемирие.

Условия перемирия оказались тяжелыми для России. Уступая Ивангород, Ям, Копорье, она потеряла выход к побережью Финского залива.

Но можно понять, почему Москва пошла на такое пере-

мирие.

Воевать одновременно с Польшей и Швецией страна была еще не готова, и Иван Васильевич Грозный, словно предчувствуя, что жить ему остается всего год, спешил завершить начатые войны.

В подписании перемирия участвовал и Понтус Делагарди. Участвовал он, будучи уже членом риксрода¹⁶, и в переговорах о продлении перемирия.

Вот тогда-то, 5 ноября 1585 года, и перевернулась лодка, в которой шведская делегация возвращалась с очередного съезда с русскими представителями, и Делагарди потонул.

В Москве его гибель сочли «Божиим милосердием и великого чудотворца Николы милостию»...

Надо сказать, что недобрую память Понтус Делагарди оставил не только в памяти русских людей. Похоронен он был в Домском соборе Ревеля, и здесь сохранилась народная легенда, которую Ф.Р. Крейцвальд поместил в сборнике «Старинные эстонские народные сказки».

Согласно этой легенде, Понтус Делагарди имел обыкновение сдирать кожу с убитых солдат и отдавать ее дубильщикам для последующей продажи. Внезапная смерть в ноябрьской воде Наровы помешала ему завершить торговые операции, и дух жестокого полководца-авантюриста якобы до сих пор бродит по улицам Таллинна, пытаясь продать запоздавшим прохожим дубленые солдатские кожи.

¹⁶ Государственный совет при шведском короле.

Похоже, что со словами москвичей по поводу «Божиего милосердия», выразившегося в утоплении Понтуса Делагарди, готовы были согласиться и представители других народов, но ликование оказалось преждевременным – уже подрастал родившийся в Ревеле вскоре после заключения Плюсского перемирия сын Понтуса Делагарди – Якоб...

Младший сын Понтуса Делагарди превзошел своего отца, когда, «помогая» России отразить польскую интервенцию в Смутное время, довершил он отцовский замысел и «нечаянно» захватил и Новгород, и другие города Новгородской земли.

Тогда же Якоб Делагарди занялся и Орешком, который так и не сумел «раскусить» его отец.

23 февраля 1611 года Якоб Делагарди установил батарею на Монашеском острове и приказал идти на штурм.

Как следует из «Истории шведско-московской войны» Иоганна Видекинда, главный удар штурмующих был направлен на Воротную башню. Подведя петарды, шведы взорвали двое передних ворот, но там тотчас опустились третьи, железные ворота, которые не поддавались действию петард. Потеряв немало человек убитыми и ранеными, шведы вынуждены были отступить. Трупы лучших людей были сложены на десять возов и увезены в Выборг.

После этого неудачного штурма решено было прибегнуть к осаде. Уже захвачена была Ладога, и к 30 ноября 1611 года шведам удалось надежно замкнуть блокадное кольцо.

Будущий фельдмаршал Эверт Горн, командовавший войсками, осаждавшими Орешек, предложил осажденным капитулировать. От горожан требовалось подчиниться королевскому наместнику и принять шведский гарнизон. Но защитники Орешка отказались сдать крепость. Они продолжали отчаянно сопротивляться и, пользуясь потайной гаванью, делали вылазки на ладьях и лодках, нападая на шведов.

Однако 12 мая 1612 года твердыня Московской Руси на Неве пала. Как свидетельствует Иоганн Видекинд, в живых в крепости оставалось чуть больше сотни стрельцов.

Шведы переименовали русскую крепость-остров в Нотебург¹⁷.

¹⁷ От швед. – Nöteborg: Nöte – орех; borg – крепость, город.

Глава четвертая

ВКУС РАЗГРЫЗЕННОГО ОРЕХА

*...Язык наш возвеличим, устны наша при нас
суть: кто нам Господь есть.
Псалом 11, ст. 5*

*Правда, что зело жесток сей орех был, однако
ж, слава Богу, счастливо разгрызен.
Петр I*

Некий мистический знак видится в том, что блокада Орешка совпала с заключением в темницу патриарха Гермогена. Мученическая смерть пришла к заморенному голодом святителю 17 февраля 1612 года, а блокадный Орешек держался дольше, шведы овладели крепостью только 12 мая.

«Да будут благословенны, которые идут на очищение Московского государства, — молился перед своей кончиной святитель Гермоген, обращаясь к образу Казанской иконы Божией Матери. — А вы, окаянные московские изменники, будьте прокляты!»

Перед сдачей Орешка, защитники замуровали в стену икону Казанской Божией Матери в надежде на то, что она поможет вернуть крепость России.

Медленно, но неотвратимо сплетаются в глубине столетий гибельные для нашей страны сети. Но еще далека опасность, а уже подыскивается то, что способно одолеть надвигающуюся беду...

Уместившись в пространство двух лет, сошлись две даты...

В 1578 году родился Дмитрий Михайлович Пожарский, будущий освободитель Москвы. А на следующий год обрели чудотворную икону Божией Матери, получившей название Казанской...

Это события, из которых предстояло произрасти спасению нашего Отечества от разрушительной Смуты, в которую ввергли его властолюбие и алчность, разврат и своеволие...

Как и многое на Руси, история Казанской иконы Божией Матери начинается во времена царствования Иоанна Васильевича Грозного...

После страшного пожара, уничтожившего 23 июня 1579 года в Казани весь посад, дочери казанского стрельца Матроне явилась во сне Богородица, указавшая место на пепелище, где находится Ее икона. На этом месте 8 июля 1579 года и откопали завернутый в ветхое вишневое сукно – это был рукав однорядки – Чудотворный образ... Сама икона – таких еще не было на Руси! – была необычной и вся она «чудно

сияла светлостью», земная грязь еще не коснулась Образа...

Тотчас послали известить Казанского архиепископа Иеремию, но он посчитал излишним осматривать находку несмышленной девочки, и вместо него на пожарище пришел священник из ближайшей к пожарищу Николо-Гостинодворской церкви. Первым этот священник и поднял икону, чтобы благословить ею народ.

Звали священника Ермолай...

Уже на следующий день начались исцеления. Перед иконой прозрел казанский слепой Никита... Но оказалось, что образ Казанской Божией Матери дарует и духовное прозрение.

И самое первое чудо от него – это *самовидец*, как он потом сам называл себя, священник Ермолай, который и поднял из черноты пепелища Чудотворный образ, чтобы показать народу.

Пятьдесят лет исполнилось ему тогда, но словно и не было их – в непроницаемых сумерках времени скрыта жизнь иерея Ермолая. И только когда он взял в руки чудотворный образ Казанской Божией Матери, спала пелена с глаз русских людей – во всей духовной мощи явился перед ними облик великого святителя, будущего патриарха Гермогена.

И, конечно, никто не догадывался тогда, что чудо, которое совершила икона, превратив иерея Ермолая в грозного святителя, было только прообразом чуда, совершенного 22 октября 1612 года, когда вдруг очнулись перед Пречистым Ли-

ком Казанской иконы Божией Матери разьединенные политическими симпатиями и антипатиями русские люди и, ощутив себя единым народом, сбросили с себя вместе с обморочностью смуты и ярмо чужеземных захватчиков.

Тогда загудели колокола в московских церквях, и двинулись на штурм Китай-города ратники князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина. Единым приступом был взят Китай-город, и поляки укрылись в Кремле, чтобы через три дня сдаться на милость победителей.

2

Слухи о необычной иконе и тех чудесах, которые были явлены от нее, растеклись по Руси еще до освобождения Москвы. Еще в 1594 году по повелению царя Федора Иоанновича в честь явления Чудотворного образа заложили каменный храм Пречистой Богородицы.

Ну а после освобождения от поляков Москвы к иконе пришла всенародная слава, и празднование ее стало совершаться не только в Казани 8 июля, но и в Москве – 22 октября.

Князь Дмитрий Пожарский на свои средства построил в Москве, на Красной площади, Казанскую церковь, где долгое время хранился тот самый список с иконы, перед которым молились ратники, шедшие освобождать Москву.

Три с половиной десятилетия спустя, 22 октября 1648 года, на праздник «чудотворных икон Казанских, во вре-

мя всеночного пения» родился наследник престола царевич Дмитрий, и царь Алексей Михайлович повелел праздновать Казанскую икону «во всех городах по вся годы», как бы редактируя при этом и содержание самого праздника.

Но первенец царя Алексея Михайловича вскоре умер, и праздник – осеннее почитание Казанской иконы Божией Матери сделалось всенародным – остался в прежнем своем значении.

С этого времени и начинается настоящее торжество чудотворных образов Казанской иконы Божией Матери по всей стране.

В 1661 году Казанская икона была обретаена в Тобольске. Дьяку монастыря было указано во сне, чтобы он взял образ Казанской Божией Матери, который в небрежении хранился в чулане одной из церквей, и поставил икону в новой церкви, воздвигнув ее за три дня. Повеление Богоматери было исполнено – в крае сразу прекратились проливные дожди, а больные начали получать от Чудотворного образа исцеления.

В 1689 году образ Казанской Божией Матери явился в селе Каплуновка Харьковской епархии. Перед этим образом молился Петр Великий накануне Полтавской битвы.

В 1695 году во время всеночного бдения начала источать слезы в кафедральном соборе Тамбовская икона Казанской Божией Матери.

Похожее чудо произошло и в Шлиссельбурге в 1702 году.

Часовой, стоявший на карауле, заметил исходящий из стены свет.

Наутро в стене появилась трещина, и когда раскрыли кирпичную кладку, увидели, как появляется из стены Младенец, простирающий руку для благословения, увидели Богоматерь, склонившую к Сыну свою голову.

Это был замурованный здесь в 1612 году образ иконы Казанской Божией Матери.

«Эта местная святыня, — писал последний настоятель Шлиссельбургского крепостного храма Рождества Иоанна Предтечи протоиерей Иоанн Флоринский, — оставшаяся в иноверческой земле, могла бы исчезнуть бесследно, как исчезли сами православные церкви в Орешке с их украшениями и утварью, если бы заботливая рука одного из оставшихся в Орешке ревнителей православия не скрыла эту духовную ценность от глаз иноверных. Икона была замурована в стене древнего русского крепостного храма, и здесь-то она сохранялась в течение почти целого столетия. Православные ореховцы надеялись таким образом предохранить драгоценный образ небесной Владычицы от поругания иноплеменных, твердо веря, что Царица небесная Сама освободит свой образ от временного заточения и возвратит принадлежащий Ей храм и покровительствуемую Ею древнерусскую область в руки православных».

Видимо, так и было...

Может быть, список Казанской иконы Божией Матери не

успели вывезти из Орешка, когда заключен был Столбовской мир, по которому крепость отошла Швеции, но, скорее всего, защитники замуровали икону в надежде на то, что она поможет вернуть России ее невскую твердыню...

Уместно вспомнить здесь, что Тихвинскую икону Божией Матери, проплывшую 26 июня 1383 года в небе вблизи Шлиссельбурга, тоже замурывали в свое время в стене Пантократорской обители, чтобы спасти от еретиков-иконоборцев...

В этом повторе истории, дивным отсветом лежащем на само явление Шлиссельбургской иконы, обнаруживается глубокий мистический смысл. Шлиссельбургская икона как бы соединяет в себе две иконы, одна из которых, Тихвинская, именуется Охранительницей северных рубежей России, а другая, Казанская, Спасительницей нашего Отечества.

Тихвинскую – тогда она называлась Влахернской! – икону освободили через шестьдесят лет.

Шлиссельбургская икона пробыла в каменном плену девяносто лет...

3

Попытки освободить Орешек предпринимались еще в правление царя Алексея Михайловича. Осенью 1656 года Нотебург осадило войско воеводы Петра Ивановича Потемкина.

Сорокалетний полководец уже брал и польский Люблин, и шведский Ниеншанц, жег шведские поселения на Котлине, громил шведские корабли, но с Орешком дело у него не заладилось.

Хотя Петр Иванович и начал бомбардировку крепости, установив орудия на Монастырском острове, шведы держались твердо.

«Яблоко и грушу легче раскусить, чем такой орех!» – ответил комендант крепости майор Франс Граве на предложение о сдаче, и предок великого Григория Потемкина вынужден был отвести войска.

В музее Прадо в Мадриде экспонируется портрет Петра Ивановича Потемкина, который Хуан Каррено де Миранда написал спустя десятилетие после нотебургской неудачи.

На портрете много золотой парчи и дорогого меха, а еще больше важности, которую как бы вносит собою царский посол Петр Иванович Потемкин, но схожая по цвету с осенней ладожскою водой седина бороды омывает лицо русского стольника, так и не сумевшего раскусить «шведский орех». Разгрызать его пришлось Петру I.

В. Суриков. Петр I перетаскивает суда из Онежского залива в Онежское озеро в 1702 году. 1872 год

Взятие Нотебурга он считал чрезвычайно важной задачей, и подготовка к штурму велась предельно тщательно.

Некоторые историки полагают, что и легендарное перетаскивание волоком по Государевой дороге кораблей из Белого моря в Онежское озеро тоже было связано с подготовкой к штурму Орешка.

Тогда за два месяца мужики и солдаты протащили по лесам и болотам корабли «Святой дух» и «Курьер», и, пройдя по Онеге, Свири и Ладоге, корабли эти якобы подошли к устью Невы, хотя и непонятно, что они делали здесь при

штурме Нотебурга.

Ну а настоящие русские войска подошли к Нотебургу 26 сентября 1702 года. Всего Петр I собрал на берегу Невы четырнадцать, включая гвардейские Семеновский и Преображенский, полков.

Русский лагерь был разбит на Преображенской горе.

Осаду – гарнизон Нотебурга во главе с комендантом подполковником Густавом фон Шлиппенбахом насчитывал около 500 человек и располагал 140 орудиями – вели по всем правилам.

Под непосредственным наблюдением самого Петра I по трехверстной лесной просеке протащили из Ладожского озера в Неву лодки. На этих лодках солдаты Преображенского и Семеновского полков переправились на правый берег Невы и захватили там шведские укрепления.

Потом из лодок устроили наплавной мост, связавший невские берега...

Когда кольцо осады замкнулось, к коменданту Нотебурга был «послан трубач с предложением сдать крепость на договор». Густав фон Шлиппенбах просил отсрочки на четыре дня, чтобы снестись с нарвским обер-комендантом, которому он подчинялся. В ответ 1 октября русские батареи открыли артиллерийский огонь по крепости.

А.Е. Коцебу. Штурм крепости Нотебург 11 октября 1702 года. В центре изображен Петр I. 1846 год

Бомбардировка продолжалась непрерывно в течение одиннадцати дней.

Начали гореть деревянные постройки, плавилась свинцовые кровли башен, ночью Неву освещало зарево пожара и казалось, что река налилась кровью. Течение уносило зарничную кровь к Финскому заливу, к шведской крепости Ниеншанц.

3 октября парламентар-барабанщик передал просьбу жен шведских офицеров, умолявших выпустить их из Нотебурга ради великого беспокойства от огня и дыму.

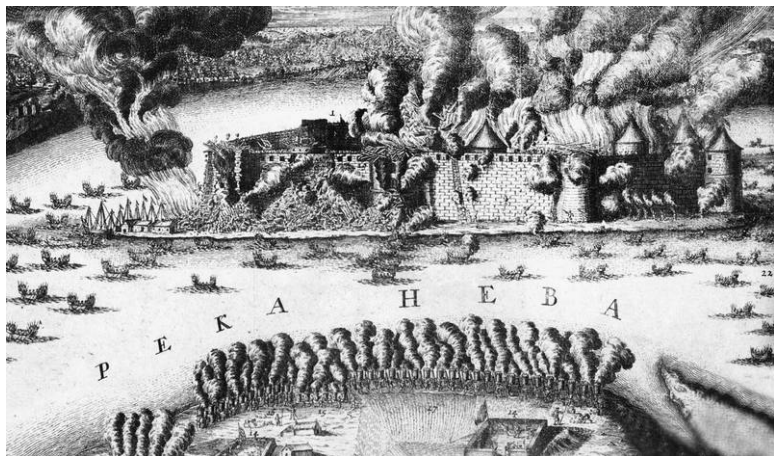
«Если изволите выехать, изволили б и любезных супружников своих с собою вывести купно!» – галантно ответил шведским дамам Петр I.

«Сей комплимент знатно осадным людям показался досаден», – сказано в «Книге Марсовой», и бомбардировка Нотебурга возобновилась.

Всего по крепости было выпущено свыше 15 000 ядер и бомб.

В крепостной стене появились огромные бреши, сквозь которые могли пройти маршем в ряд 20 человек. Правда, находились эти пробоины слишком высоко над землей, но Петр I, рассматривавший Нотебург с Преображенской горы, результатами артподготовки остался доволен.

«Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила», – сообщал он в письме А.А. Виниусу.

Взятие Нотебурга 11 октября 1702 года. С гравюры А. Шхонебека. 1703 год

Следы петровской бомбардировки Нотебурга можно найти и сейчас.

«Под дерном оказались свежие напоминания о минувшей войне: битый кирпич, щебенка, осколки мин, – пишут в своей книге „Крепость Орешек“ А.Н. Кирпичников и В.М. Савков. – Ниже стали попадаться осколки ядер, которыми при Петре I обстреливали с материка крепость в 1702 году. А вот и неразорвавшаяся трехпудовая мортирная бомба – одна из 3000, выпущенных по шведскому гарнизону. Частицу извлеченного изнутри пороха, которому 268 лет, удалось воспла-

менить. Горел он разноцветными искрами»...

4

Таковыми же разноцветными искрами рассыпались три сигнальных выстрела, возвестивших ночью 11 октября начало штурма.

Ударили барабаны.

Сквозь ночную темноту ладьи пошли к крепости озаряемой пламенем пожаров. Их сносило сильным течением, и гребцы налегали на весла.

Так начался штурм.

Взятие Нотебурга (Орешка) – одна из самых ярких и значительных побед Петра I.

Подготовка к штурму была проведена тщательная, но стесненные на полоске земли между крепостными стенами и водой русские полки все равно несли огромные потери.

К тому же и приготовленные лестницы оказались слишком короткими – десантники не смогли подняться к пробоинам и с ходу ворваться в крепость.

Тем временем шведы развернули орудия и начали бить напрямую.

И был момент, когда заколебался Петр I и даже послал на остров офицера с приказом командиру штурмующего отряда подполковнику Семеновского полка Михаилу Голицыну отступить.

«Скажи царю, что теперь я уже не его, а Божий, – ответил посыльному Голицын и, взобравшись на плечи солдата, стоящего на верху лестницы, залез в пролом. – Вперед, ребята!»

Бесконечно длился кровопролитный бой, но шведы не выдержали.

«Неприятель от множества нашей мушкетной, так же и пушечной стрельбы в те 13 часов толь утомлен и видя последнюю отвагу тотчас ударил шамад»...

Это, в пятом часу дня Густав фон Шлиппенбах велел ударить в барабаны, что означало сдачу крепости.

Нотебург был взят.

Сохранились списки русских солдат, павших при штурме крепости...

Лейб-гвардии Преображенского полка:

Майор – Давыд Гаст.

Капитаны – князь Иван Львов, Иван Рукин, Андрей Валбрехт.

Поручики – Яков Борзов, Дмитрий Емцов, Василий Ивановский, Павел Беляев.

Сержанты – Андрей Ребриков, Алексей Ломакин, Семен Котенев.

Рядовые – Афанасий Лобоз, Яков Тибеев, Григорий Соколов, Семен Мишуров, Иван Чесноков, Клим Варенихин, Таврило Башмаков, Иван Писарев, Никифор Ляблицов, Козьма Фомин, Илья Кондаков, Максим Демьянов, Петр Жереб-

цов, Андрей Посников, Фома Следков, Василий Воробьев, Петр Булкин, Петр Белош, Стефан Тяпкин, Алексей Дубровский, Федор Оставцов, Павел Копылов, Иван Фомин, Сергей Кондратьев, Лука Александров, Петр Аксентьев, Федор Ефимов, Фрол Чурин, Ерофей Пылаев, Яков Голев, Иван Сидоров, Никифор Котловский, Прокофий Коротаев, Андрей Котенев, Савва Тихонов, Иван Злобин, Парфен Палкин, Ефим Черкашенинов, Прокофий Юрьев, Василий Чириков, Яков Бута, Григорий Пыхоцкий, Федор Булатов, Никита Ефимов, Иван Романов, Федор Путимцев, Иван Лебедев, Матвей Черкасов, Трофим Титов, Иван Чебалов, Тихон Лелнев, Яков Тихомиров, Иван Быков, Федот Коротаев, Яков Отавин, Савелий Лисицын, Иван Волк, Иван Ершов, Мирон Неустроев, Федор Беляев, Лаврентий Путилов, Семен Казаков, Федот Махов, Федор Казаков, Иван Мозалев, Петр Крюков, Антон Ремезов, Ефрем Быков, Иван Дроздов, Борис Домкин, Иван Ерофеев, Никифор Лапин, Агафон Уланов, Иван Жуков, Козьма Сайников, Григорий Бровиков, Викуль Заблоцкий, Козьма Носов, Мартын Дудырин, Иона Кабин, Иван Нагаев, Тимофей Жданов, Иван Иванов, Петр Шевелев, Иван Федотов, Данила Бавин, Дмитрий Соловьев, Нестор Титов, Тит Батулин, Федор Бадаев, Козьма Соболев, Семен Сербии, Пантелей Матвеев, Михайло Медведев, Агафон Толанков, Анисим Посняков, Михайло Попрытаев, Андрей Кудряков, Григорий Зыков, Матвей Полчанинов, Козьма Кузовлев, Леонтий Смольянинов. Барабанщик Никифор

Панков.

Лейб-гвардии Семеновского полка:

Майор – Кондратий Мейер.

Капитан – Егор Колбин.

Поручики – Федор Лихарев, князь Алексей Шаховский, Иван Дмитриев-Мамонов.

Капрал – Таврило Шапилов.

Рядовые – Федор Струнин, Семен Борзов, Григорий Каменский, Егор Туменев, Иван Павловский, Яков Кудрявцев, Иван Данилов, Алексей Ураков, Спиридон Беляев, Иван Богатырев, Григорий Кудрявой, Василий Мартьянов, Иван Оборин, Андрей Кириллов, Никифор Коржавин, Сергей Нагаев, Федор Бычков, Зиновий Паршин, Григорий Овсянников, Иван Волох, Максим Папонов, Данило Никифоров, Дмитрий Шаров, Ларион Деделин, Терентий Белоусов, Павел Чеботарев, Федор Захаров, Леонтий Воробьев, Иван Нижегородов, Анисим Чистяков, Тимофей Стушкин, Иван Баскаков, Тимофей Борзов, Иван Никитин, Иван Зерковников, Егор Харитонов, Борис Грызлов, Михайло Осанов, Кондратий Лытков, Дмитрий Волох, Фрол Зайцев, Сидор Фролов, Федор Старичков, Данило Шатилов, Еремей Щеголев, Степан Шатаков, Ларнок Сухарев, Козьма Лукоренский, Афанасий Тороровов, Кондратий Эрнев, Константин Глазунов, Яков Ушаков, Василий Панов, Иван Дубровин, Степан Хабаров, Иван Заварзий, Козьма Федотов, Петр Братин, Тихон

Казимеров, Иван Радивилов, Кондратий Манзурьев, Афанасий Фармос, Осип Абрамьев, Федор Васильев, Ефим Глазунов, Аким Короткий, Михайло Кудрине, Василий Власов, Терентий Лоботков, Иван Быстров, Семен Побегалов, Евстифей Иванов, Софрон Шемаев, Гордей Богданов, Степан Гребенкин, Кирила Соловьев, Козьма Медведев, Трофим Судоплатов, Григорий Катов, Андрей Коровин, Михайло Дбяков, Василий Мамонтов, Афанасий Подшивалов, Герасим Ротунов, Иван Сорокин, Анисим Зверев, Алексей Шабанов, Иван Волобаев, Самойло Звягин, Павел Иванов, Федор Замолнев, Михайло Шепелев, Иван Лутошный, Кирилл Беликов, Игнатий Евсеев, Никифор Минин, Артамин Мордвинов, Василий Трубач, Матвей Соседов, Петр Безчасной, Матвей Клужетов, Роман Маслов, Василий Лыков, Дмитрий Филатов, Сергей Барков, Гаврило Осипов, Иван Приезжей, Анисим Сомароков, Данил Леонтьев, Аким Гигмонов, Афанасий Иевлев, Андрей Лебедев, Дмитрий Любимов, Петр Зверев, Григорий Зорин.

В звучании этих имен и фамилий столько неповторимости, столько чудесной красоты, столько богатырской силы, что весь этот список звучит как музыка, как гимн России.

Памятник солдатам Преображенского и Семеновского полков

Такое ощущение, что ты оказался в какой-то заповедной роще...

Любопытно сравнить этот список со списком шлиссельбургских арестантов, хотя бы тех же народовольцев...

Николай Морозов, Михаил Фроленко, Михаил Тригони, Григорий Исаев, Михаил Грачевский, Савелий Златопольский, Александр Буцевич, Михаил Попов, Николай Щедрин, Егор Минаков, Мейер Геллис, Дмитрий Буцинский, Михаил Клименко, Федор Юрковский, Петр Поливанов, Людвиг Кобылянский, Юрий Богданович, Айзик Арончик, Ипполит

Мышкин, Владимир Малавский, Александр Долгушин, Николай Рогачев, Александр Штромберг, Игнатий Иванов, Вера Фигнер, Людмила Волкенштейн, Василий Иванов, Александр Тиханович, Николай Похитонов, Дмитрий Суровцев, Иван Ювачев, Каллиник Мартынов, Михаил Шебалин, Василий Караулов, Василий Панкратов, Михаил Лаговский, Иван Манучаров, Людвиг Варынский, Людвиг Янович, Пахомий Андреюшкин, Василий Генералов, Василий Осипанов, Александр Ульянов, Петр Шевырев, Михаил Новорусский, Иосиф Лукашевич, Петр Антонов, Сергей Иванов, Василий Конашевич, Герман Лопатин, Николай Стародворский, Борис Оржих, Софья Гинсбург, Павел Карнович, Сергей Балмашов, Фома Качура, Михаил Мельников, Григорий Гершуни, Егор Сазонов, Иван Кляев, Александр Васильев, Хаим Гершкович, Яков Финкелынтейн, Михаил Ашенбреннер...

И хотя в этом списке немало достойных людей, очень трудно отделаться от ощущения, будто идешь то ли по пожару, то ли по старой вырубке, заросшей неведомо чем.

И что из того, что в первом списке собраны солдаты-герои, а во втором – «Мы имеем тех преступников, каких заслуживаем», – говорил тюремный врач Шлиссельбургской крепости Евгений Рудольфович Эйхгольц! – государственные преступники. Нет... В первом списке люди, принадлежащие прежней Московской Святой Руси, а во втором – лю-

ди, которые о Святой Руси, благодаря Петру I и его реформам, не слышали и слышать не желали.

Петр I

Исаакиеву Ба
№ 12. 1644, 1703

Peter

Автограф Петра Великого

Шведский гарнизон вышел из крепости с четырьмя пушками и распущенными знаменами. Он состоял из 83 здоровых и 156 раненых – остальные пали во время осады и штурма. Солдаты шли с личным оружием, с пулями во рту, в знак того, что они сохранили свою воинскую честь.

Русские потери составили 538 человек убитыми и 925 ранеными.

Павших во время штурма героев похоронили внутри крепости.

На стене церкви Иоанна Предтечи в 1902 году была установлена доска с их именами¹⁸, но в 1939 году эту доску увезли в Музей истории и развития Ленинграда.

Ну а главный герой штурма, Михаил Михайлович Голицын, конечно, и догадываться не мог тогда, что взял крепость, которая через несколько лет станет тюрьмой для его брата, князя Дмитрия Михайловича Голицына.

5

На радостях Петр I переименовал Нотебург в Шлиссельбург, в ключ-город.

Считается, что этим ключом открывался путь к Балтийскому морю, но, очевидно, что Петр вкладывал в это название более широкий смысл – ключа к победе в войне.

Все первые дни после взятия Шлиссельбурга Петр I пребывал в упоении от свершившегося чуда.

«Объявляю вашей милости, – пишет он Федору Матвеевичу Апраксину, – что с помощью победыдавца Бога, крепость сия по жестоком и чрезвычайном, трудном и кровавом приступе (который начался в четыре часа пополуночи, а кончился по четырех часах пополудни), сдалась на аккорд, по котором комендант Шлипенбах, со всем гарнизоном выпущен. Истинно вашей милости объявляю, что чрез всякое

¹⁸ Доску эту изготовил заключенный Шлиссельбурга, бывший кузнец, народо-волец П. А. Антонов.

мнение человеческое сие учинено и только единому Богу в честь и чуду приписать».

Послание это, хотя и в дальнейшем Петр I не забывал разделять с Богом своих ратных побед, все-таки выделяется повышенной и, в общем-то, несвойственной Петру религиозной экзальтацией.

Объясняется она тем, что Петр I ясно осознавал не только стратегическое значение одержанной победы, но и ее исторически-мистический смысл.

Дед его, царь Михаил Федорович, первый в династии Романовых, был коронован 90 лет назад, после изгнания поляков из Москвы. Петр I, его внук, освободил сейчас последнюю, потерянную в годы Смуты крепость.

Как тут было не возрадоваться!

Неслучайно по указу Петра I в память взятия Орешка была выбита медаль с надписью: «Был у неприятеля 90 лет».

Слова Петра I о том, что «чрез всякое мнение человеческое сие (взятие Орешка. – *Н. К.*) учинено и только единому Богу в честь и чуду приписать», – слова, *русского* царя.

Когда караульный солдат увидел замерцавший из-под кирпичной кладки свет Казанской иконы Божией Матери, он смотрел глазами *русского* солдата.

И явственно было явлено и царю, и солдату, как смыкаются эпохи...

В 1612 году, перед тем как пойти на штурм, молились ратники Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского перед Казан-

ской иконой Божией Матери.

Шлиссельбургская крепость

Задержавшись на девяносто лет, 1612 год пришел и в древнюю русскую крепость Орешек. И здесь, завершая освобождение Руси от иноплеменных захватчиков, явилась Казанским ликом своим Пречистая Богородица!

Мы уже говорили, что священник Ермолай, который первым разглядел икону Казанской Божией Матери, превратился в святителя Гермогена.

Нам неизвестно, кем стал солдат, первым увидевший Шлиссельбургский образ Казанской иконы Божией Матери. Может, он погиб в бесконечных петровских войнах, а, может быть, закончил жизнь в крепостной неволе.

Другая эпоха, другое время пришло...

Как известно, скоро Петром I вообще будут запрещены чудеса на Русской земле.

Петр I – сохранились только глухие упоминания о его распоряжении поместить обретенную икону в крепостной часовне – по сути, никак не отреагировал на находку, не захотел рассмотреть того великого значения, которое скрыто было в обретении Шлиссельбургской иконы Казанской Божией Матери.

Почему не захотел он увидеть этого чуда?

6

Соблазнительно объяснить совершившуюся в государе перемену шлиссельбургским трагикомическим эпизодом, приведшим к разрыву Петра I с его любовницей Анной Моне.

15 апреля 1703 года в Шлиссельбурге «зело несчастливый случай учинился; первый доктор Лейл, а потом Киннигсек... утонули внезапно».

Это прискорбное, но не слишком значимое событие, тем не менее, оставило след в истории, потому как в кармане саксонского посланника Киннигсек нашли любовное письмо Анны Моне.

Измены Анны – напомним, что ради нее Петр I заставил постричься в монастырь свою жену царицу Евдокию! – Петр не ожидал, и так и не простил любовницу до конца жизни. Сама Анна Моне, как известно, была посажена под арест и только в 1706 году ей разрешили посещать лютеранскую цер-

ковь. Пострадала и Матрена Ивановна Балк, которая пособляла сестре в ее романе с Киннигсеком. За свои хлопоты Матрене Ивановне пришлось отсидеть в тюрьме три года...

Ну а два десятилетия спустя скатится с плахи и голова брата Анны – Вильяма Монса.

Поэт Андрей Вознесенский в «Лобной балладе»¹⁹ описал казнь Анны Моне, хотя казнена была не она, а ее брат:

*Царь страшон: точно кляча, тощий,
почерневший, как антрацит,
По лицу проносятся очи,
как буксующий мотоцикл.*

*И когда голова с топорика
покатилась к носкам ботфорт,
Он берет ее над толпою,
точно репу с красной ботвой!*

*Пальцы в щеки впились, как клещи,
переносицею хрустя,
кровь из горла на брюки хлещет.
Он целует ее в уста.*

*Только Красная площадь ахнет,
Тихим стоном оглушена:
«А-а-анхен!..»
Отвечает ему она:*

¹⁹ Андрей Вознесенский. Ахиллесово сердце. – М., 1966.

*«Мальчик мой, Государь великий,
не судить мне твоей вины,
но зачем твои руки липкие солоны?*

*баба я,
вот и вся провинность,
государства мои в устах
я дрожу брусничной кровиночкой
на державных твоих усах,*

*в дни строительства и пожара
до малюсенькой ли любви?*

*ты целуешь меня Держава —
твои губы в моей крови,
перегаром, борщом, горохом
пахнет щедрый твой поцелуй.*

*как ты любишь меня Эпоха,
обожаю тебя
царуй!..»*

Разумеется, соединить Анну и Вильяма Монса в единый объект любви и расправы Петра I автору стихов помогла его неотягощенность знанием истории, однако, сработала тут и логика петровской мифологии. Любое злодеяние, которое совершал и которое не совершал Петр I, эта мифология зара-

нее объясняла и оправдывала самой атмосферой «дней строительства и пожара» Петровской эпохи.

Возможно, посещая Шлиссельбург, Петр I вспоминал о горечи унижения, которое пережил, читая вынужденное из кармана утонувшего Киннигсека любовное письмо Анны Моне...

Но одной только личной досады, как ни глубока была она, не доставало для начала строительства новой государственной мифологии.

7

Первый шаг на пути создания этой мифологии, которая хотя и соприкасалась с прежней русской историей, но не столько продолжала, сколько преображала ее на новый, петровский лад, Петр I сделал, переименовав старинный русский Орешек в Шлиссельбург.

На Государевой башне укрепили ключ от крепости, что означало: взятие Орешка открывает путь к Балтийскому морю.

Впрочем, ключом этим пользовались недолго.

Уже 1 мая 1703 год был взят Ниеншанц, стоящий при впадении Охты в Неву, и Петр I начал искать место для строительства в устье Невы новой русской крепости.

14 мая 1703 года на берегах Невы было теплым и солнечным...

В этот день Петр I, как утверждает анонимное сочинение

«О зачатии и здании царствующего града С.-Петербурга», совершал плавание на шлюпках и с воды «усмотрел удобный остров к строению города»...

Как только государь высадился на берег, раздался шум в воздухе, и все увидели «орла парящего». Слышен был «шум от парения крыл его».

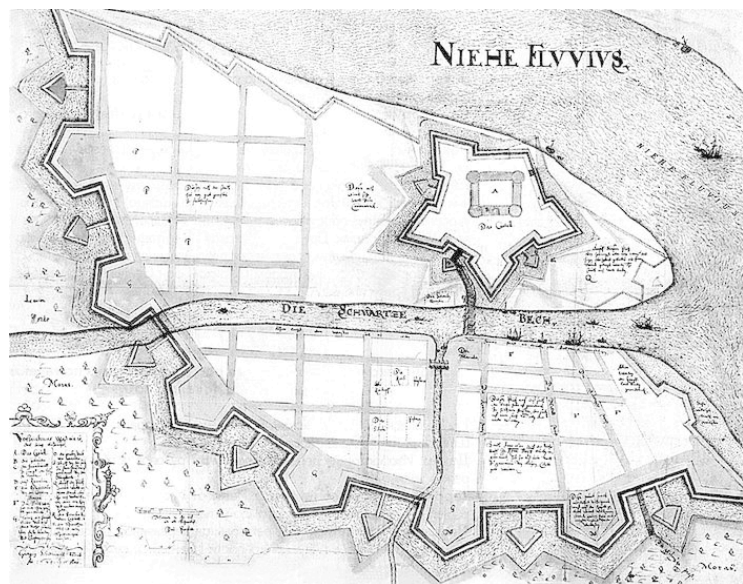
Сияло солнце, палили пушки, а орел парил над государем, и в Пятидесятницу, когда, посоветовавшись с сопровождавшими его фортификаторами: французским генерал-инженером Жозефом Гаспаром Ламбером де Герном и немецким инженером майором Вильгельмом Адамом Кирштенштейном, Петр I отверг неподверженное наводнениям место при впадении Охты в Неву и заложил новую крепость на Заячьем острове.

Тогда государя сопровождало духовенство, генералитет и статские чины. На глазах у всех, после молебна и водосвятия, Петр I взял у солдата багинет²⁰, вырезал два куска дерна и, положив их крестообразно, сказал: «Здесь быть городу!».

Потом в землю был закопан ковчег с мощами Андрея Первозванного. Над ковчегом соорудили каменную крышку с надписью: «От воплощения Иисуса Христа 1703 мая 16-го основан царствующий град С.-Петербург великим государем царем и великим князем Петром Алексеевичем самодержцем всероссийским».

²⁰ Багинет – кинжал с плоским, заточенным с одной или с обеих сторон клинком, применявшимся в качестве штыка.

И снова возник в небе орел – «с великим шумом парения крыл от высоты спустился и парил над оным островом.

План Ниешманца

Однако закладка города этим не ограничилась.

Поразмыслив, Петр I приказал «пробить в землю две дыры и, вырубив две березы тонкие, но длинные, и вершины тех берез свертев», вставил деревья в землю наподобие ворот.

Орел же опустился с высоты и «сел на оных воротах».

С ворот орла снял ефрейтор Одинцов и поднес его государю, который пожаловал гордую птицу комендантским званием²¹...

У Александра Сергеевича Пушкина в знаменитом описании этих событий, орлов нет...

*На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася, бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мишистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел. И думал он.
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.*

И все равно, хотя все тут подчеркнуто реалистично, первые строфы вступления к «Медному всаднику» возносят нас в петровскую мифологию, стремительнее ручных орлов, на

²¹ «Оной орел зимовал во дворце; по построении на Котлине острову крепости святого Александра оной орел от Его Царского Величества во оной Александровой крепости отдан на гобвахту с наречением орлу комендантского звания».

которых оттачивало свое остроумие не одно поколение российских историков.

Читая пушкинские строки, мы представляем Петра I стоящим на земле, на которую никогда не ступала нога русского человека, и в результате с легкой руки поэта в общественном сознании сложилось устойчивое убеждение, будто земли вокруг Петербурга в допетровские времена представляли собою неведомую и чуждую Православной Руси территорию.

И происходит это вопреки нашим знаниям! Ведь, читая Пушкина, мы помним, что свет православия воссиял над Ладогой задолго до крещения Руси, и это отсюда, из древнего уже тогда Валаамского монастыря, уходил крестить язычников Ростовской земли преподобный Авраамий. И то, что самая первая столица Руси, Старая Ладога, тоже находится в двух часах езды от Санкт-Петербурга – неоспоримый факт. И русская крепость Орешек, которую всего за полгода до основания Петербурга отбил у шведов Петр I, тоже ведь стояла здесь почти четыре столетия!

Но все эти факты, а вместе с ними и вся веками намоленная Русская земля, что окружала место закладки будущей столицы Российской империи, одной только силою пушкинского гения оказались отодвинутой от Санкт-Петербурга.

Однако Пушкин не был бы Пушкиным, если бы ограничился поставленными ему рамками. Читаешь «Медного всадника» и понимаешь, что А.С. Пушкин погружался в петровскую мифологию еще и для того, чтобы изобразить внут-

ренное состояние Петра I, чтобы объяснить выбор, сделанный первым русским императором.

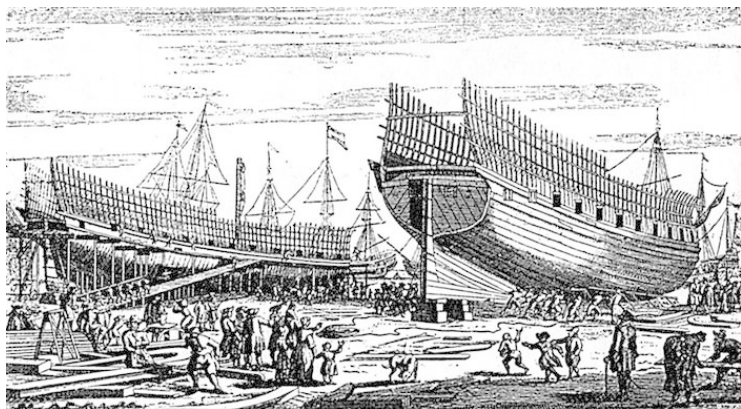
Место, где вскоре поднялся Санкт-Петербург, действительно было *пустым*. Из-за постоянных наводнений здесь не строили ничего, кроме убогих изб чухонских рыбаков.

Но такое *пустое* место и искал Петр I.

Санкт-Петербург закладывался им как город-символ разрыва Новой России с Древней Русью.

Это поразительно, но в этом – вся суть Петровских реформ...

Они накладывались на Россию, нисколько не сообразуясь с ее православными традициями и историей, и вместе с тем были благословлены униженной и оскорбленной Петром Русской Церковью.

Постройка кораблей с гравюры времен Петра I

Возможно, подсознательно, но Петр I выбрал для города именно то место древней земли, которое действительно всегда было *пустым*, которое и не могло быть никем населено в силу незащищенности от природных катаклизмов.

Сюда уводил Петр I создаваемую им империю, здесь, на заливаемой наводнениями земле, пытался укрыть он от нелюбимой им Святой Руси *свою* веру в Бога, свой освобожденный от православия патриотизм!

Осуществить задуманное было невозможно, и хотя Петр I прилагал все силы, чтобы достичь своей цели, все получалось не так, как задумывал он, а так как должно было быть.

Петр I не пожелал придать значения государственного события чудесному обретению иконы Казанской Божией Матери в Шлиссельбурге... Видимо, ему не хотелось начинать историю новой столицы с Казанской иконы Божией Матери, поскольку это вызывало воспоминания и параллели, не вмещающиеся в его новую мифологию.

Но Казанская икона Божией Матери, как мы знаем, все равно пришла в Санкт-Петербург.

Вдова старшего брата и соправителя Петра I Иоанна V, царица Прасковья Федоровна, известная своим старомосковским благочестием, привезла, перебравшись в Санкт-Петербург, сделанную по ее заказу увеличенную копию Казанской иконы Богородицы.

Икону эту царица Прасковья Федоровна поместила в часовне неподалеку от своего местожительства, на Городовом острове (Петроградская сторона), и часовня эта стала называться Казанской.

С 1727 года образ, привезенный в Петербург царицей Прасковьей Федоровной, начинает признаваться чудотворным, и для него возводится десятилетия спустя один из главных петербургских храмов – Казанский собор.

8

Так, вопреки своеволию Петра I, появилась Казанская икона Божией Матери в новой русской столице, так из-за своеволия Петра I Шлиссельбургский образ Казанской иконы Божией Матери, почти целое столетие прождавший за кирпичной кладкой человека, который освободит здешнюю землю от неприятеля и вернет икону России, по-прежнему остался за стенами крепости.

Взявший Нотебург Петр I считал, что он не освобождает, а завоевывает эти земли. Разница незначительная, если говорить о результате военной кампании, но чрезвычайно существенная, если вернуться к духовному смыслу войны, которая велась тогда на берегах Невы.

Потом стали говорить, что Петр I прорубил окно в Европу...

На самом деле окно в Европу здесь было всегда, и тре-

бывалось только отодрать старые шведские доски, которыми это окно было заколочено.

Но Петр I все делал сам, и даже когда он совершал то, что было предопределено всем ходом русской истории, он действовал так, как будто никакой истории не было до него, и вся она – это болезнь всех реформаторов в нашей стране! – только при нем и начинается.

И в этом заключен ответ на вопрос, почему Петр I не захотел узнать о чудесном явлении Шлиссельбургской иконы Божией Матери...

Нет, не русский Орешек освободил Петр I, а взял шведскую крепость Нотебург – и тут же основал здесь свой Шлиссельбург. Как могла вписаться сюда Казанская икона Божией Матери, неведомо когда, до всяких прославлений, появившаяся здесь?!

И Шлиссельбургская икона Казанской Божией Матери так и осталась в крепости.

Была она здесь и тогда, когда привезли в Шлиссельбург каторжника Варфоломея Стояна (Федора Чайкина).

Этот человек (если можно называть человеком такого святотатца) 12 июля 1904 года вместе со своими поделщиками украл из летнего храма Богородицкого женского монастыря города Казани первообраз чудотворной Казанской Божией Матери, содрал с него драгоценную ризу, а самую святую икону сжег...

Рядом со Шлиссельбургским образом Казанской иконы

Божией Матери и предстояло отбывать свой каторжный срок этому злодею.

Впрочем, об этом разговор еще впереди...

9

После взятия Нотебурга в 1702 году Петр I ожидал шведского контрудара и считал восстановление крепости на Ореховом острове первоочередной задачей. Сохранился сделанный рукою Петра набросок чертежа бастионов, которыми необходимо было усилить крепость.

Портбашня у входных ворот была переименована Петром I в Государеву, Фохтбашня названа Княжеской в честь княгини Меншиковой, Шварцбашня – Королевской, Кирхбашня – Угловой (позднее Головина), Коноселицбашня – Светличной, Крутбашня – Мельничной, Комсбашня – Колокольной.

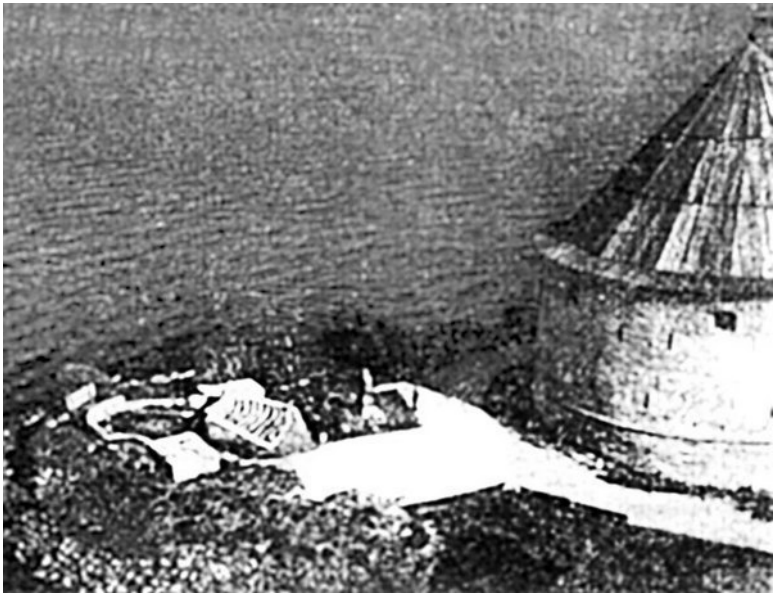
Все бастионы возводились одновременно под руководством Н.М. Зотова, Ф.А. Головина, Г.И. Головкина, К.А. Нарышкина.

Общее руководство укреплением Шлиссельбурга поначалу осуществлял сам Петр I: «царь московский... крепость во всем зело поправить велел, стены и башни, и с пушками 2000 человек в крепость посадил»²², но в дальнейшем ру-

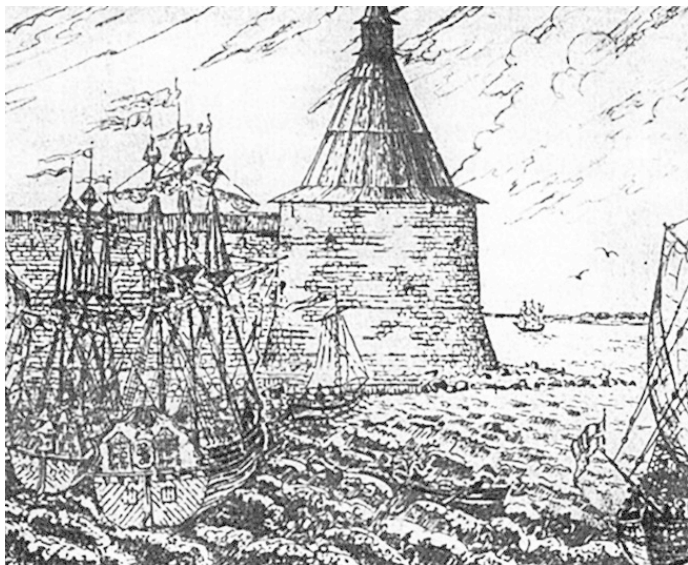
²² Газета «Ведомости» от 3 февраля 1703 года.

ководство работами принял А.Д. Меншиков, назначенный комендантом Шлиссельбурга и губернатором Ингерманландии, Карелии и Лифляндии.

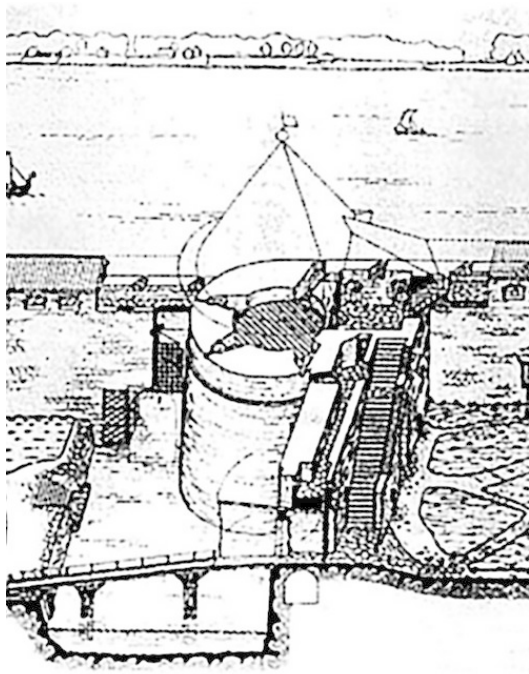
То ли оттого, что Петр передел всю Россию в европейские, неприспособленные для здешнего климата одежды, то ли оттого, что он ставил чрезвычайно трудные и порою совершенно непонятные задачи, то ли из-за общего бездушия эпохи, но никогда еще, кажется, не мерзли так в нашей стране, как в десятилетия петровского царствования.

Королевская башня после реставрации

Наугольная башня XVI—середина XVII веков

Светличная башня

Даже А.Д. Меншиков, который проявил такую отчаянную храбрость при штурме Шлиссельбурга, к постоянной жизни в крепости приспособиться не сумел.

«У нас здесь превеликие морозы и жестокие ветры, – жаловался он Петру, – с великою нуждою за ворота выходим; едва можем жить в хоромаш».

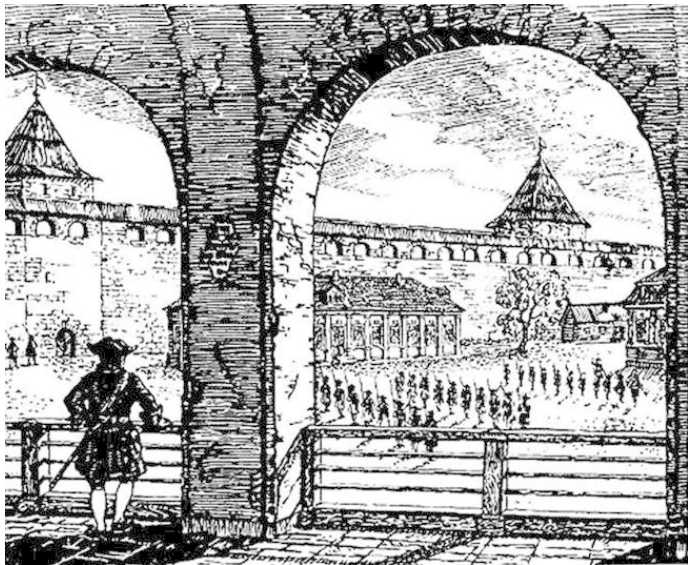
Но если нестерпимо было находиться в Шлиссельбурге господину коменданту и губернатору, как приходилось жить здесь рядовым работным людям?

Мы уже говорили, что при штурме крепости русские потери составили 538 человек убитыми и 925 ранеными.

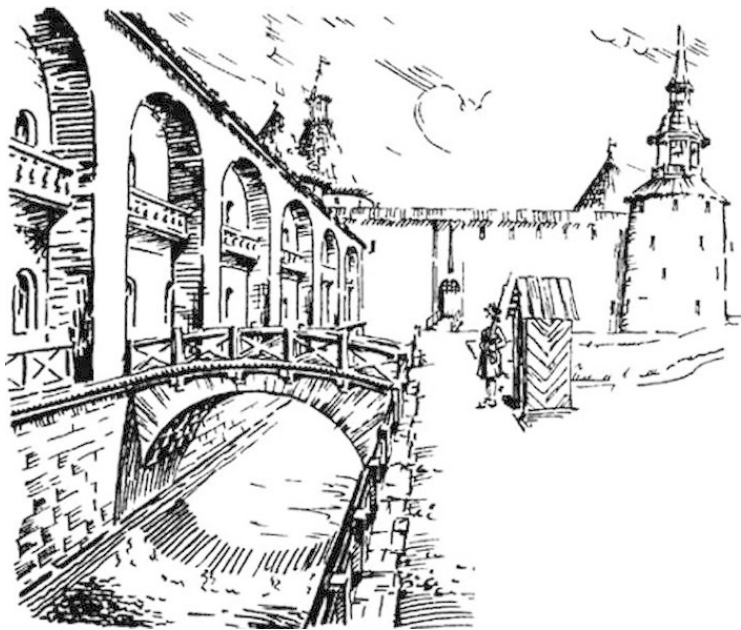
Восстановление крепости стоило гораздо дороже. Строительные потери обогнали военные меньше чем за год.

Как видно из отчета главы Канцелярии городских дел У.А. Синявина, из 2856 человек, согнанных в Шлиссельбург, работало 1504, остальные болели или умерли.

«Писал ты ко мне об олончанах, о двухстах человеках, которые в Шлютельбурхе на работах, что у них в запасах скудность, и я удивляюся Вам, что, видя самую нужду, без которой и пробыть не мочно, а ко мне описываетесь, – отвечал на это У.А. Синявину А.Д. Меншиков. – Прикажи им хлеб давать, провианту против их братии, и вперед того смотрите, чтоб з голоду не мерли».

Мост через канал у здания казарм

Вид с галереи на крепостной плац и дворец Петра I. XVIII век

Казалось бы, с началом строительства Санкт-Петербурга Шлиссельбург должен был утратить свое значение, однако строительные работы в крепости не только не сворачиваются, а, наоборот, набирают темп.

В 1715 году перед башней Меншикова построили последний, пятый, бастион, и тогда же началось строительство сол-

датской казармы, а на следующий год – строительство монетного двора.

И казармы, и монетный двор возводил архитектор И.Г. Устинов, а после его отъезда в Москву руководство работами принял на себя главный зодчий Санкт-Петербурга Доменико Трезини.

В 1718 году началось сооружение деревянного дворца А.Д. Меншикова, а через три года – постройка Деревянного дворца Петра I, или Государева дома.

Петр I явно не собирался отказываться от Шлиссельбурга.

В крепости находилась тогда шведская кирка, перестроенная из церкви, возведенной и освященной еще архиепископом новгородским Василием в 1352 году. Сейчас кирку приказано было обратить назад в православие. Но так как по размерам она была мала для громадного гарнизона крепости, то и приказано было к каменным стенам кирки пристроить деревянные части храма, а из самой кирки устроить алтарь и посвятить храм в честь Рождества Иоанна Предтечи²³.

«Пусть, – сказал Петр I, отдавая эти распоряжения, – взятие Нотебурга будет предтечею моих побед над шведами».

²³ Упоминается в документах и о других церквях Шлиссельбургской крепости. Благовещенская церковь в 1727 году была перенесена в Посад – нынешний город Шлиссельбург, а Успенская церковь закрыта. В 1802 году, в столетний юбилей взятия крепости, Успенскую церковь – она помещается в казарменном здании – снова возобновили, освятив ее в честь апостола Филиппа, память которого празднуется 11 октября, день взятия крепости.

Петр I ежегодно старался приезжать 11 октября на остров, чтобы отпраздновать здесь годовщину взятия крепости.

В сопровождении сенаторов, министров и генералов он обходил крепость и, вспоминая окутанный облаками дыма Нотебург, рассказывал, что «под брешью вовсе не было пространства, на котором войска могли бы собраться и приготовиться к приступу, а между тем шведский гарнизон истреблял их гранатами и камнями».

По заведенному обычаю в день и час взятия крепости на острове звонил колокол.

И в каждый приезд обязательно поднимался Петр I на башню и долго смотрел на Ладогу.

Думал...

И о разгрызенном орехе тоже.

Глава пятая

ЦАРСКАЯ ДРАМА

*Ни ли уразумеют вси делающий беззаконие,
снедающих люди моя в снедь хлеба; Господа не
призваши.*

Псалом 13, ст. 4

Десятилетие после взятия Шлиссельбурга – время самых значительных побед и свершений Петра I.

Действительно...

Основан Санкт-Петербург, одержана Полтавская виктория, взяты у шведов Нарва, Рига, Выборг, Кексгольм...

Завершилось это победное десятилетие в 1711 году, когда, тайно обвенчавшись с Мартой Скавронской, бывшей любовницей Б.П. Шереметева и А.Д. Меншикова, Петр I отправился на войну с Турцией. Здесь, словно позабыв о накопленном военном опыте, он завел в окружение на реке Прут всю свою армию. В.В. Долгорукий и Б.П. Шереметев предлагали тогда «проложить дорогу штыками или умереть», но вице-канцлеру П.П. Шафирову, которому Петр I разрешил сулить туркам все, кроме Петербурга, удалось 12 июля заключить с визирем мир на сравнительно мягких условиях. Россия возвращала османам Азов, срывала Таганрог и Каменный Затон.

24 ноября 1714 года в память освобождения русской армии из турецкого окружения будет учрежден орден Святой Екатерины.

Первым орденом Петр I наградит свою супругу.

Екатерина Алексеевна оказалась достойной высокой награды и уже 29 октября 1715 года родила Петру I сына, царевича Петра Петровича, Пиотрушку.

Счастливые родители прозвали его Шишечкой, и уже через два дня Петр I заставил старшего сына, царевича Алексея, подписать отказ от притязаний на престол.

Алексей повеление отца исполнил и попросил отпустить его в монастырь, но у Петра I были на него другие планы...

1

С годами семейная жизнь первого русского императора переполняется трагическими коллизиями, и Шлиссельбургу суждено было превратиться в подмостки, на которых разыграется несколько сцен из этой страшной русской драмы.

Мы уже говорили о гибели под Шлиссельбургом саксонского посланника Киннигсека, в кармане которого найдут любовное письмо Анны Моне, но завязка драмы, которая называется «Семейная жизнь первого русского императора», начинается раньше.

Тогда, вернувшись в 1698 году из первого заграничного вояжа, Петр I вызвал в Москве Евдокию в дом почтмейстера

Винуса.

«Почему, – топая ногами, кричал он, – повеления не исполнила? Как смела послушаться, когда я приказывал отойти в монастырь, и кто тебя научил противиться? Кто тебя удерживал?»

Когда царица начала оправдываться, что на ее попечении находится маленький сын, и она не знала, на кого ребенка оставить, сестра Петра – Наталья вырвала из ее рук царевича Алексея и увезла в своей карете в Преображенское.

Объяснений Петр потребовал и от патриарха.

Патриарх Адриан начал сбивчиво объяснять, что насильственное пострижение царицы во время отсутствия в Москве царя могло вызвать нехорошие толки... Дело кончилось тем, что арестовали одного архимандрита и четырех попов. Все они были допрошены, но казнить их Петр из-за недостатка времени не стал.

Дожидаюсь объяснений патриарха, Петр уже приказал свозить в Преображенское оставшихся в живых после недавнего розыска стрельцов, сейчас он целыми днями пропадал в Преображенском. Там, возле потешного Пресбурга, было устроено четырнадцать пыточных застенков.

Новый стрелецкий розыск, поразивший современников беспредельной жестокостью, Петр I начал 17 сентября, в день именин Софьи.

По свидетельству современников, все Преображенское с его потешным Пресбургом превратилось тогда в страшное

пространство Преображенского приказа, где лилась кровь, и воздух наполнился криками безвинных людей, преданных лютым пыткам. Ежедневно здесь курилось до 30 костров с угольями для поджаривания стрельцов. Сам царь с видимым удовольствием присутствовал на этой похожей на жутковатую мистерию пытке.

23 сентября наконец-то устроены были на европейский лад семейные дела Петра I. Жену его, царицу Евдокию, увезли в Суздальский Покровский девичий монастырь и там насильно постригли в монахини под именем Елены...

Ну а 30 сентября состоялась первая массовая казнь стрельцов.

Их везли из Преображенского к Покровским воротам²⁴ на телегах, с зажженными свечами в руках. Здесь им был зачитан петровский указ:

«А у пущих воров и заводчиков ломаны руки и ноги колесами: и те колеса воткнуты были на Красной площади на колья; и те стрельцы, за их воровство, ломаны живые, положены были на те колеса и живы были на тех колесах не много не сутки, и на тех колесах стонали и охали...»

Петр в тот день, вечером был на пиру, устроенном Лефортом, и, по свидетельству современника, «оказывал себя вполне удовлетворенно и ко всем присутствующим весьма милостивым».

²⁴ Любопытно сравнить, когда у Евдокии вырвали ребенка, его повезли в Преображенское, а саму царицу – в Покровский монастырь.

Так, с пострижения в монахини законной жены, матери наследника престола, с привезенного из Европы невиданной на Руси смертной пытки – колесования, и начиналась петровская европеизация нашей страны.

Иначе как сатанинской остервенелостью невозможно объяснить невероятную жестокость Петра в эти дни.

11 октября были казнены еще 144 стрельца.

12 октября. Казнено 205 стрельцов.

13 октября. Казнен 141 стрелец.

Поражает неутомимая изобретательность Петра I на все новые и новые зверства. Он сам лично отрубил головы пятерым стрельцам, а 17 октября приказал рубить головы стрельцам и своим ближайшим сотоварищам. Члены «кумпании», прошедшие школу «всешутейшего собора», легко справились с экзаменом. Князь Ф.Ю. Ромодановский отсек тогда четыре головы, а Александр Данилович Меншиков – недаром так любил его Петр! – обезглавил 20 стрельцов.

Труднее было боярам. Превращая знатных представителей древних родов в палачей, Петр I не просто глумился над ними в устроенной мистерии, а ломал их.

«Каждый боярин, – пишет С.М. Соловьев, – должен был отсесть голову одного стрельца... Петр смотрел на зрелище, сидя в кресле, и сердился, что некоторые бояре принимались

за дело трепетными руками».

Тем не менее, хотя и тряслись руки у бояр, с порученным делом справились все.

Всего 17 октября было казнено 109 стрельцов.

18 октября казнены еще 63 стрельца.

19 октября казнено еще 106 стрельцов.

21 октября сестру Петра I Софью постригли в монахини Новодевичьего монастыря с именем Сусанны. Когда после пострига она вернулась в свою келью, ее ждал подарок брата. 195 стрельцов были повешены им в этот день возле Новодевичьего монастыря. Трое из них – возле самых окон кельи сестры. В руки им были всунуты их челобитные. Эти трупы провисели в петлях пять месяцев.

К ноябрю со стрельцами было покончено.

16 московских стрелецких полков было раскассировано. Стрельцов разослали по разным городам и там записали в посадские люди.

Запрещено было принимать их в солдаты.

Через два года под Нарвой жестоко аукнулось России это добровольное разоружение ее Петром I...

Жестокие казни и насильственное заточение в монастыре жены совпали с указами о бритье бород.

Совпадение не случайное.

Петр I менял тогда все. Жену... Армию... Страну... В следующем году он изменит само русское время, введя новый календарь.

Немудрено, что за этими великими преобразованиями Петр I «позабыл», что и в монастыре надо бы устроить жену.

Евдокия – единственная из русских цариц, которая не получила при пострижении в монастырь прислуги, которой не было назначено никакого содержания.

Еще большие мучения, чем нищета и голод, доставляла Евдокии разлука с сыном.

3

Царевичу Алексею было тогда девять лет.

Семи лет от роду он научился читать и, конечно же, хорошо понимал, что происходило в семье.

После пострижения матери он жил под присмотром тетки, которая ненавидела его, но Алексей никак не проявил недовольства отцом, обрекшим его на такую жизнь. У него хватило сил преодолеть свое детское горе, и он много и достаточно успешно учился.

Обучение Алексея совмещалось в отличие от отца не с играми в потешные полки, а с реальной службой...

Одиннадцати лет от роду Алексей ездил с отцом в Архангельск, двенадцати лет был взят в военный поход и в звании солдата бомбардирской роты участвовал 1 мая 1703 года во взятии крепости Ниеншанц.

В четырнадцать во все время осады Нарвы царевич Алексей неотлучно находился в войсках. Когда город был взят,

Петр сказал сыну речь в присутствии всех генералов:

«Сын мой! Мы благодарим Бога за одержанную над неприятелем победу. Победы от Бога, но мы не должны быть нерадивы и все силы обязаны употреблять, чтобы их приобрести. Для того взял я тебя в поход, чтобы ты видел, что я не боюсь ни труда, ни опасности. Понеже я, как смертный человек, сегодня или завтра могу умереть, то ты должен убедиться, что мало радости получишь, если не будешь следовать моему примеру. Ты должен, при твоих летах, любить все, что содействует благу и чести твоего Отечества, верных советников и слуг, будут ли они чужие или свои, и не щадить никаких трудов для блага общего. Как мне невозможно с тобой всегда быть, то я приставил к тебе человека, который будет вести тебя ко всему доброму и хорошему. Если ты, как я надеюсь, будешь следовать моему отеческому совету и примешь правилом жизни страх Божий, справедливость и добродетель, над тобой будет всегда благословение Божие; но если мои советы разнесет ветер, и ты не захочешь делать то, чего желаю, я не признаю тебя своим сыном и буду молить Бога, чтобы он наказал тебя в сей жизни и будущей.

– Всемиловитейший государь, батюшка! – восторженно отвечал Алексей. – Я еще молод и делаю что могу. Но уверяю ваше величество, что я, как покорный сын, буду всеми силами стараться подражать вашим деяниям и примеру. Боже сохрани вас на многие годы в постоянном здоровье, чтобы я еще долго мог радоваться столь знаменитым родителем!»

19 декабря 1704 года на триумфальном шествии в Москве царевич Алексей у Воскресенских ворот поздравил Петра I с победою и по окончании приветствия встал в ряды Преображенского полка в строевом мундире.

Петр I упрекал потом сына за то, что он так и не полюбил войны. Упрек этот, несомненно, имеет основание, но с моральной точки зрения все перевернуто тут с ног на голову.

Цесаревич Алексей

Вот если бы Алексей, который с двенадцати лет познакомился с реальной, а не игрушечной войной, полюбил ее кровь, смерть и страдание, действительно следовало бы задуматься о проблемах его развития.

Но сам Петр I продолжал увлекаться войной, как детской забавой, и ему непонятно было, что для царевича Алексея война является, хотя и необходимым, но неприятным трудом.

Причем с делом этим Алексей справлялся вполне успешно. Когда ему было семнадцать лет, отец послал его в Смоленск для заготовки провианта и сбора рекрутов. С этим поручением царевич справился, и ему велено было подготовить Москву к возможной осаде от шведов. Алексей – эта деятельность царевича отражена в полусотне писем, отправленных Петру I, – руководил ремонтом и сооружением новых укреплений в Китай-городе и Кремле.

Ну а в 1709 году царевич привел в Сумы пять собранных им полков. Как пишет Гизен, «царское величество так был тем доволен, что ему публично показал искренние знаки отеческой любви».

Было тогда Алексею всего девятнадцать лет.

При этом, исполняя столь сложные и ответственные поручения, царевич продолжал учебу.

К двадцати годам он свободно владел немецким и французским языками, неплохо знал историю, любил читать труды отцов Церкви. Точные науки давались ему труднее, но царевич проявлял необходимое упорство в изучении математики и фортификации...

Мы говорим все это, чтобы показать, что никаких объективных причин для недовольства сыном у Петра I не могло быть. По уровню своего образования и реального опыта Алексей превосходил большинство русских царей.

Напомним, что сам Петр I в этом возрасте еще только развлекался строительством ботика «Святитель Николай» на Плещеевом озере.

Сам Петр I, собственно говоря, сыном был доволен.

Он делал Алексею внушения, поругивал его, даже бивал, но все это, учитывая взрывной темперамент первого русского императора, не выходило за рамки обычаев, установленных при петровском дворе.

Настоящий гнев Петра I вызвало только одно преступление царевича. В 1706 году шестнадцатилетний Алексей самовольно навестил мать в Суздальском монастыре. Тетка Наталья Алексеевна немедленно «настучала» царю о проступке племянника, Алексей был призван в Жолкву, в Галиции, где и получил нагоняй от отца.

Однако нагоняем тогда и ограничилось взыскание.

И так все продолжалось до 1711 года, пока, отправляясь в Прутский поход, Петр I не обвенчался с будущей русской

императрицей Екатериной Алексеевной...

4

Чернобровая красавица появляется в русской истории 25 августа 1702 года, когда войска Б.П. Шереметева взяли Мариенбург (Алуконе).

Среди пленных оказалась круглолицая служанка пастора Глюка – Марта.

Она обладала богатырским здоровьем и незаурядной физической силой, позволявшей легко переносить тяготы походной жизни.

Поначалу Марта обреталась у фельдмаршала Шереметева в качестве прачки, а потом перебралась к Меншикову. В 1705 году 23-летнюю красавицу привезли Петру I, и из Марты она превратилась в Екатерину Васильевскую.

Особенно хороши были глаза новой сожительницы Петра – черные, большие, живые, пронзительные...

Когда говорят о Петре I, почему-то стараются не вспоминать, что царь на Руси – это не только верховный правитель, но, прежде всего, помазанник Божий, священный чин. И русские цари появлялись в схожих со священническими одеяниях не потому, что они удобно чувствовали себя в одежде из тяжелой парчи, а потому что этого требовало их звание. Православие для русского царя не было его личным делом, православие – это содержание мистического договора, в ко-

торый вступил он с Богом и со своими подданными, это его жизненный путь, главный руководящий мотив его деятельности. Русский царь был связан с народом, над которым он царствовал, не пунктами неких кондиций, а православной верой, православной моралью...

Петр I, который осмысливал свою деятельность исключительно в теократических категориях²⁵, никогда и не помышлял отказываться от сана помазанника Божия, он хотел отказать (и отказался!) лишь от обязанностей, связанных с этим саном. Это было невозможно, но Петр I, никогда не веривший в чудеса, всегда верил – упорство его в этом пункте было маниакальным, почти безумным! – в то, что и *небываемое бывает*...

С материалистической точки зрения демонстративно выставленный напоказ роман Петра I со шлюхой из Немецкой слободы никак не связан с катастрофой русской армии под Нарвой в 1700 году.

Но с материалистической точки зрения невозможно понять и того, почему, узнав о приближении армии Карла XII, Петр I в сопровождении Александра Меншикова и главно-

²⁵ «Господь Бог нынешнюю кампанию так счастливо начать благоволил», «Завтра надеемся увидеть врага, милость Божия да будет с нами», «Всемогущий Господь соизволил почтить Россию», «Зело желаю, чтоб весь наш народ прямо узнал, что Господь Бог прошедшей войной и заключением мира нам сделал. Надлежит Бога всею крепостию благодарить», «Так воля Божия благоволила и грехи христианские допустили... Но мню, что праведный Бог может к лучшему сделать».

командующего фельдмаршала Ф.А. Головина трусливо бежит в Новгород, оставив перед решающим боем войска без управления, бросив свою армию на верную гибель...

Сам Петр I в «Истории Свейской войны» объяснял свое бегство из армии перед сражением надобностью «идушие достальные полки побудить к скорейшему приходу под Нарву, а особливо, чтоб иметь свидание с королем польским». Историки девятнадцатого века таким нелепым объяснением ограничиться не могли и придумывали, что Петр I якобы собирался укрепить оборону Новгорода и Пскова.

Петр I

Екатерина I

С.Ф. Платонов прямо пишет, что, «зная мужество и лич-

ную отвагу Петра, мы не можем объяснить его отъезд мало-душием»...

С этим не согласиться нельзя. Трусом Петра I действительно назвать трудно.

Но чем же тогда объяснить его бегство?

Увы, никаких материалистических объяснений этому нет. Точно так же, как нет приемлемого объяснения прутской трагедии, случившейся через несколько месяцев после тайного венчания Петра I с его новой сожительницей. Ведь в 1711 году за спиною Петра I уже была Полтава.

Хотя Петру и пришлось заплатить за обучение военному ремеслу потоками русской крови, бездарно пролитой в начале войны, но он все-таки выучился воевать. По общему мнению, и сама Полтавская битва, и предшествующие сражения и маневры были осуществлены Петром I блестяще.

И вот после этого – нелепейшие просчеты и ошибки Прутского похода! Такое ощущение, как будто Петр I, заведший в окружение свою армию на Пруте, никогда не бывал под Полтавой.

Именно невозможность сыскать мало-мальски подходящее объяснение этим двум самым большим и самым нелепым военным поражениям Петра I и заставляет нас вернуться к мысли, что связь между этими военными катастрофами и сумасбродным нарушением всех уставов и приличий, соблюдение которых необходимо для помазанника Божия, все-таки существуют.

Более того...

Поправление своего царского сана и последующая военная трагедия следуют в такой пугающей близости друг к другу, что не заметить их невозможно.

И каким-то особым смыслом наполняется смирение царевича Алексея, с которым он исполняет повеление отца и женится на подобранной отцом немецкой принцессе.

С одной стороны, эта женитьба поддерживала пошатнувшуюся репутацию России на международной арене и при этом одновременно становилась попыткой восстановления того мистического договора, который был разорван очередным сумасбродством Петра I.

Мы не знаем, каким полководцем оказался бы царевич Алексей...

Его жизнь прервалась не на поле битвы, а в отцовском застенке. И было тогда царевичу двадцать восемь лет. Ровно столько же, сколько отцу, когда он бежал из-под Нарвы, бросив свою армию перед сражением.

В истории нет сослагательного наклонения, и бессмысленно гадать о том, чего никогда не было. Да и не нужно это, чтобы увидеть духовное торжество подлинно царского смирения царевича Алексея над портовым сумасбродством Петра I. Для этого достаточно просто внимательно посмотреть на события реальной истории...

Кампанию по уничтожению сына Петр I развернул в 1715 году, не имея никаких объективных поводов для недовольства сыном. Царевич Алексей не был гением, но не был и ленивым увальнем, как это утверждают апологеты Петра I.

Не был он и врагом отца. Разумеется, он любил мать, сочувствовал ее положению, но этим только и ограничивалось несогласие с отцом.

Поводы для недовольства Петра I надобно искать не в царевиче, а в новой семье императора.

Кухарка Марта, превратившись в Екатерину Алексеевну и поднявшись на русский трон, так и оставалась кухаркой. Вильгельмина Байрейтская вспоминала, что, приехав к ним в 1719 году, «царица (Екатерина. — *Н. К.*) начала с того, что принялась целовать у королевы руки, причем проделала это много раз».

Как и положено кухарке, Екатерина проявляла очень много женской ловкости и очень мало государственной мудрости. Она не давала Петру никаких советов, только выказывала удовольствие и радость от сообщаемых новостей и, играя так, приобретала все большее и большее влияние на царя.

Мы говорили, что в письмах 1706–1709 годов Петр называет Екатерину «маткой».

Считается, что у Петра и Екатерины было пятеро незакон-

норожденных детей. Павел и Петр умерли в 1707 году еще в доме Меншикова. Дочь Екатерина умерла в 1708 году. Выросли только две дочери: Анна, ставшая матерью императора Петра III, и Елизавета, ставшая русской императрицей...

Постепенно в письмах Петра I обращение «матка» меняется на «мудер», а в 1716 году, когда Екатерина становится матерью Пиотрушки, впервые появляется обращение – «Катеринушка, друг мой сердешный»...

Словно сквозь зубы, выцеживаются эти слова сквозь годы Петровской эпохи...

Письма беременной Екатерины Петру показывают, насколько по-женски умной была она. Сын еще не родился, а она: «Прошу, батюшка мой, обороны от Пиотрушки, понеже немалую имеет он со мною за вас ссору, а именно за то, что когда я про вас помяну ему, что папа уехал, то не любит той речи, что уехал, но более любит то и радуется, как молвишь, что здесь папа», – уже сумела сделать его реальным участником жизни отца.

Упрекать Екатерину невозможно. Она – мать, и она действует, как мать. Пиотрушка – ее восьмой ребенок и на него возложены большие надежды...

Но слова Екатерины падают в такую почву, во тьме которой зарождается чудовищное преступление сыноубийства.

«Дорогой наш шишечка часто своего дражайшего папа упоминает и при помощи Божией, во свое состояние происходит и непрестанно веселится муштрованием солдат и пу-

шечную стрельбою»...

«Шишечка наш, при помощи Божией во свое состояние приходит»...

Семья царевича Алексея и семья Петра I – погодки²⁶. Параллельно с появлением новых наследников в семье императора, появляются дети и в семье царевича Алексея.

Рождение их Екатерина воспринимала, как прямую угрозу своим детям, и она сумела устроить так, что как только появился у царевича Алексея сын (будущий русский император Петр II), война на уничтожение царевича переходит в решающую стадию.

Отметим справедливости ради, что Петр I не сразу выступил в поход. Более того, есть явные свидетельства, что он пытался уберечь семью сына от происков Екатерины и Меншикова.

6

В 1714 году, когда кронпринцесса Шарлотта должна была разрешиться от бремени, царь приставил к ней двух доверенных женщин, госпожу Брюс и князь-игуменью Ржевскую.

«Я не хотел бы вас трудить, – написал он невестке изпод Ревеля, – но отлучение ради супруга вашего, моего сына, принуждает меня к тому, дабы предварить лаятельство

²⁶ Публичная свадьба Петра I состоялась в 1712 году

необузданных языков, которые обыкли истину превращать в ложь... дабы о том некоторой анштальт учинить, о чем вам донесет г. канцлер, граф Головкин, по которому извольте неотменно учинить, дабы тем всем, ложь любящим, уста заграждены были».

Кронпринцесса была удивлена, но желанию свекра перечить не посмела.

«По указу вашему, у ее величества у кронпринцессы, я и Брюсова жена живем и ни на час не отступаем... – доносила Ржевская. – Ия обещаюсь самим Богом, еже-ей-ей, ни на великие миллионы не прельщусь, и рада вам служить от сердца моего, как умею».

«Что это значит? – приводя эти письма, задавался вопросом М. Погодин. – Какой анштальт учинить предполагал Петр? Какие подозрения и в ком возбуждала богобоязненная кронпринцесса? Не боялся ли он подлога в случае неблагополучного разрешения? Кажется, так поняла и кронпринцесса, в ответе своем именно сказавшая: „...и на уме мне не приходило намерение обмануть ваше величество и кронпринца!“

Если же Петр боялся подлога, то, значит, рождение детей у сына занимало его сильно».

Но так было в 1714 году, когда кронпринцесса рожала дочь Наталью... 12 октября 1715 года роды проходили совсем в другой обстановке.

«Замечали при царском дворе зависть за то, что она ро-

дила принца, — доносил Плейер, — и знали, что царица тайно старалась ее преследовать, вследствие чего она была постоянно огорчена... Деньги, назначенные на ее содержание, выдавались очень скупо и с затруднениями... Смерти принцессы много способствовали разнородные огорчения, которые она испытывала».

Об этом же рассказывал в Вене и царевич Алексей...

«Отец ко мне был добр, но с тех пор, как пошли у жены моей дети, все сделалось хуже, особенно когда явилась царица и сама родила сына. Она и Меншиков постоянно вооружали против меня отца; оба они исполнены злости, не знают *ни Бога, ни совести*» (курсив мой. — Н. К.).

Обратимся далее к сухой хронике...

22 октября 1715 года. Не оправившись после родов будущего русского императора Петра II, кронпринцесса умерла.

28 октября. После похорон принцессы Петр I в доме царевича во время поминок публично отдает сыну написанное еще в Шлиссельбурге письмо с требованием «нелицемерно исправиться».

«Егда же сию Богом данную нашему отечеству радость (победы над шведами) рассматривая, обозрюсь на линию наследства, едва не равная радости горесть меня снедает, *вида тебя наследства весьма на правление дел государственных непотребного* (Бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил, ниже крепость телесную весьма отъял: ибо хотя не весьма крепкой природы, обаче не весьма слабой); паче же

всего о воинском деле ниже слышать хочешь, чем мы от тьмы к свету вышли и которых не знали в свете, ныне почитают. Я не научаю, чтобы охоч был воевать без законные причины, но любить сие дело и всею возможностью снабдевать и учить: ибо сия есть едина из двух необходимых дел к правлению, еже распорядок и оборона... Аще кладешь в уме своем, что могут то генералы по повелению управлять, но сие воистину не есть резон, ибо всяк смотрит начальника, дабы его охоте последовать, что очевидно есть, ибо во дни владения брата моего не все ли паче прочего любили платье и лошадей, а ныне оружие? Хотя кому до обоих и дела нет, и до чего охотник начальствуй, до того и все, а отчего отвращается, от того все. И аще сии легкие забавы, которые только веселят человека, так скоро покидают, кольми же паче сию зело тяжкую забаву (сиречь оружие) оставят! К тому же, не имея охоты, ни в чем обучаешься и так не знаешь дел воинских. Аще же не знаешь, то како повелевать оными можешь и как доброму доброе воздать и нерадивого наказать, не зная силы в их деле? Но принужден будешь, как птица молодая, в рот смотреть. Слабостию ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон! Ибо не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь не может...

Сие все представя, обращаюсь паки на первое, о тебе рассуждати: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписаное с помощью Вышнего насаждение и уже некото-

рое и возвращенное оставляю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (сиречь все, что Бог дал, бросил)! Аще же и сие воспомяну, какова злого нрава и упрямого ты исполнен! Ибо сколько много за сие тебя бранивал, и не точию бранивал, но и бивал, к тому же сколько лет, почитай, не говорю с тобой, но ничто сие успело, ничто пользует, но все даром, все на сторону, и ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться, хотя от другой половины и все противно идет. Однако ж всего лучше, всего дороже безумный радуется своею бедою, не ведая, что может от того следовать (истину Павел святой пишет: како той может церковь Божию управить, иже о доме своем не радит?) не точию тебе, но и всему государству.

Что все я с горестию размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо избрал сей последний testament тебе написать и еще мало пождать, аще не лицемерно обротить. Ежели же ни, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангрезный, и *не мни себе, что один ты у меня сын* (курсив мой. – Н. К.) и что я сие только в устрастку пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то как могу тебя, непотребного, пожалеть? Лучше будь чужой добрый, чем свой непотребный».

29 октября. Рождение Петра Петровича – сына Петра I и Екатерины Алексеевны.

31 октября. Отказ царевича Алексея от притязаний на

престол. Алексей просит отца отпустить его в монастырь.

Нет никакой нужды анализировать содержание упреков в письме Петра I.

Что такое «нелицемерно исправиться»?

Историки часто упрекают Алексея в притворстве, в равнодушии к отцовским делам. И вместе с тем никто из них не отрицает, что Алексей всегда старался угодить деспоту-отцу: прилежно учился, выполнял все приказы и поручения и никогда, как это говаривали в старину, не выходил из-под его воли.

Мы уже говорили, что царевич Алексей действительно не любил войны. Война никогда не была для него игрой, которую можно бросить в любой момент. Войну царевич воспринимал как тяжелую и грязную работу... Он достаточно исправно, несмотря на молодые годы, исполнял этот труд, но радоваться крови и грязи войны так и не научился.

Однако Петру, который сам в двадцативосьмилетнем возрасте бросил на произвол судьбы всю свою армию перед сражением под Нарвой, упрекать сына за неготовность воевать по меньшей мере неосмотрительно. Это как раз проявление того поразительного ханжества и лицемерия, которые Петр I так не любил в других, но которых в самом себе никогда не замечал.

Ни о чем, кроме поразительного ханжества Петра I, не свидетельствует и его письмо сыну. Гораздо более интересными представляются его слова: *не мни себе, что один ты*

у меня сын...

Как показывают исследования, письмо было написано 11 октября, накануне рождения сына Алексея Петра, а отдал его Петр I накануне рождения своего сына.

«В недоумение приходит всякий здравомыслящий и беспристрастный исследователь, – говорит М.П. Погодин. – Что за странности? Царь пишет письмо к сыну с угрозой лишить его наследства, но не отдает письма, и на другой день по написании рождается у царевича сын, новый наследник; царь держит у себя письмо и отдает только через 16 дней, в день погребения кронпринцессы, а на другой день после отдачи рождается у него самого сын! Вопросы, один за другим, теснятся у исследователя. Если Петр написал письмо в показанное число в Шлиссельбурге, то зачем не послал его тотчас к сыну? Зачем держал 16 дней, воротясь в Петербург? Рождение внука должно было изменить решение: если сын провинился, то новорожденный внук получал неотъемлемое право на престол! Зачем бы определять именно число? Пролежало оно 16 дней в кармане, для чего же напоминать о том, для чего напирать, что письмо писано за 16 дней? Ясно, что была какая-то задняя мысль».

Увы... Эта «задняя мысль» слишком очевидна, и даже – можно сказать и так! – неприлично очевидна.

Вопреки обычаю, праву и здравому смыслу Петр I прилагает отчаянные усилия, чтобы не допустить на русский престол не только своего сына Алексея, но и внука – будущее-

го императора Петра II. Все силы измученного болезнью, впадающего в припадки ярости императора оказываются направленными на то, чтобы отобрать престол у русской ветви своей семьи.

И когда, пытаясь проследить связанные с этим события, видишь, как много энергии и изобретательности было растрачено Петром Великим в борьбе с собственными сыном и внуком, — становится страшно...

7

К сожалению, даже когда были опубликованы все документы, связанные с делом царевича Алексея, наши историки (за исключением, может быть, только М.П. Погодина и Н.И. Костомарова) продолжали заниматься попытками оправдать Петра I, нежели анализом подлинных причин трагедии.

Стремление вполне понятное...

Эти историки, следуя в кильватере политики культа Петра I, и здесь, заранее, априори переносили всю вину на царевича, дабы нечаянно не бросить тень на монументальный образ Петра Великого.

Между тем мотивы антипатии Петра I очевидны и легко объяснимы. Алексей был сыном от нелюбимой, более того — ненавистной жены. И какие бы способности ни проявлял он, как бы терпеливо ни сносил упреки и притеснения, все это не имело значения для отца, не могло переменить его

МНЕНИЯ О СЫНЕ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.